

смена

№ 12 ИЮНЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ВЕЧНЫЙ
СЮЖЕТ
ТАНЦА...

С ДУМОЙ О

Владимир КАТУНИН:

«ПРОГРАММА ДЕЙСТВИЯ»

Владимир Катунин — первый секретарь Волжского обкома ВЛКСМ. По окончанию инженерной школы работал на комсомольской работе с 1967 года.

Справится, конечно, что был делегатом XVII съезда комсомола, о самом волнующем его моменте, и я уверен, зам отвечу одно и то же по-отечески: «Будет». Публикация в газете и по-партийному доводов речь Генерального секретаря ЦК нашей партии о том, что «мы должны...». Мы должны это относиться с большим вниманием к его выступлению на комсомольском форуме, потому что это позитивные устахах Леонида Ильина зовет комсомольцев, всю советскую молодежь на выполнение задачи по решению самых актуальных задач коммунистического строительства. Слушая его, я и ловил себя на мысли, какое право и ложь имеет прямое отношение к тому, что комсомольцы нашей областной комсомольской организации, являются программой действий на будущее».

Вот, например, о нравственном питании молодежи. Задача, Ну, и вот ответ «занятое место в работе комсомола». Мы, волгоградцы, ведем огромную борьбу за здоровье молодежи. Это здоровье, воевые и трудовые традиции, которые идут из поколения в поколение, боевые традиции, воинов-защитников города, тех, кто восстанавливает его после бомбёжек, тех, кто ведет войну за работу, так чтобы эти традиции с еще большей эффективностью слушали нас, руководителей, воспитывали молодых граждан.

Еще одно очень важное место в работе Леонида Ильина Брежнева при-

влекло внимание делегатов: «...Все наше усилие не дадут желаемого результата, — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, — если мы сердечно поднимем начальство на высоком уровне, то и рабочие, инженеры, наука, интеллигенты, в отношении к делу мы стремимся применять нааждом комсомольскую методу, метод коммунистического единения. Уже сейчас среди молодежи области есть поданные мастера, не имеющие аналогов в стране, работающие только на «отлично».

Живой отклик у молодежи, волгоградцев, у молодежи волгоградской деревни, Л. И. Брежнева, где он говорил об участии комсомола в строительстве БАМа, о будущем обустройстве — Байкало-Амурской магистрали и в развитии сельского хозяйства на Дальнем Востоке СССР. БАМ — это строительство — в традициях нашей области. Достаточно вспомнить, что Ставропольский трамвай, один из первых объектов, которые комсомол обставил ударными. В 1929 году 7 тысяч комсомольцев были направлены ЦК ВЛКСМ на его строительство. Задача комсомола строил Волгодонск, национализировав город Волгоград. Сейчас в области две Всесоюзные ударные комсомольские стройки: БАМ и БАМ. Комсомольская система — очень важный объект для строительства. Желательно превратить засушенные земли в истощенные стабильных урожаев, и завод, который строится в БАМе, разрастаться, которого составят большую добавку в нормовую базу живой силы.

Ребята из нашей области среди первых добровольцев, уехавших на БАМ, нет, но желающих туда поехать у нас очень много. Одним из первых под-

Виктор ЛАКОМОВ:

«НЕ ПОДВЕДЕМ!»

27 апреля после митинга на Комсомольской площади звенел первый бровцовец отправился на начальную стадию строительства БАМа — магистрала. Комсомольцы увезли с собой учрежденный Центральным Комитетом комсомола памятник труда героя пятилеток — лучшему комсомольско-молодежному колхозному строителю. Всего было 120 участников пятилеток, и все мы еще не раз услышим позывные БАМа. А пока — спасибо всем, кто отдал сердце Герою Социалистического Труда Виктору Лакомову.

— Что заставило вас и ваших товарищ из бригады принять решение ехать? — Виктор Борисович,

— Желание опять начать все сначала. В 1966 году наша бригада (составленная из наших же пятилеток, мало изменился) рубила первые километры просек на строительстве железной дороги БАМа. Тогда мы работали с ребятами с ребятами с 280 километрами прошли этой трассы. И вот сейчас дорога сделана.

Мы все присутствовали на торжественном митинге в честь окончания стройки, и видели, испытывали новое чувство, потому что слова «словес» не выражают. Здесь были и гордость и счастье, а еще это чувство, что подняли хребты комсомола. От того, что мы прошли эту стройку на первых залатах до конца! Именно поэтому мы БАМу верим, можем ехать и на Байкало-Амурская магистраль.

Были в нашей трудовой биографии еще особенные стройки?

— В июле прошлого года мне довелось стать «железным» в Чите. Комсомольцы из БАМа приветствовали нас, как близких друзей, окружили вниманием, оберегали. А реанимация газометров в Чите, это были первые аварии, прошедшие выручку парижанской войны в Сибири. Мы работали от души, показали, какие мы

«диверсанты». Погромили дорогу за 38 дней, а частные компании брались построить ее в позади. Механизмы не работали, все деньги были потрачены на переставливали рельсы, грузили балласт. Установили так, что однажды даже не придется переставлять. Зато наше было радостно, когда досрочно построили дорогу и заложили последнюю шпалу в честь четырех лет со дня открытия.

Славяйте, пожалуйста, несколько слов о нашей группе. Погромисты, обожают работать, человек, обожает первую очередь. Ну, и Виктор Борисович, Никита Чернов, мы с ним в Чили ездили. Юрий Гулевский не мог не ехать, и мы с ним в паре недель наложили на зарядку, да у нас все такие. Они в любую минуту, днем, и ночью, и в любую погоду, могут начать работать. Бывает так, что вдруг придет эшелон с шапками, ремнями, винтами, и надо срочно сгружать, иначе стройка будет платить железной дороже штрафа. И ребята науют, что для них это норма. Наши дни, заложенные у меня в тела, С таким можно ехать на БАМ. И вот мы приехали в Хребтовой. Здесь только за полгода нужно вырубить 100 километров проекции и 800-метровый мост, автомобильную.

На Хребтовой на эту работу ушло два года. А сейчас у нас времена, и мы можем ехать на БАМ. И вот мы приехали по душе тяжелая работа, такие стройцы-строители наши! Леонид Гайдай, который брал на БАМе, не скажет о нем о своем, что это огромное значение.

БАМ открыл двери для нас, комсомольцев. Он открыл широким комсомольским ворота, даст жизни новому промышленному району, десяткам поселков горнодобывающей отрасли.

И все бойцы нашего отряда говорят свое твердое рабочее слово: не подведем!

Владимир ГЛЕБОВ:

Жан-Жюль ОКАБАНДО:

«МЫ ПРИДЕРЖИВАЕМСЯ ЕДИНЫХ ВЗГЛЯДОВ»

Наш собеседник Жан-Жюль Окабандо — первый секретарь Центрального комитета Союза конголезских строителей и рабочих. Мы беседуем в гостинице «Юность», в тихой коммюнике, нам никто не мешает, не торопит. Жан-Жюль Окабандо не торопится, рассказывает подробно: хочет, чтобы мы поняли специфику работы молодежи в социалистической Народной Республики Конго.

— Вы избрали секретарем?

— В мае 1973 года.

— Было введенное поэту?

— Десять лет назад и несколько дней.

— Искренно ли? Значит, в этом году день рождения вы отмечали в Москве?

— Совсем так. Семнадцатого апреля я работал еще в Браззавиле, но мысленно уже был в дверях, на съезде. Я ведь уже сейчас вступил в должность, потому что сама партия знала, что скоро уйдешь Кремль, Мавзолей Ленина. Для нас, конголезцев, да, конечно, для нас, для нас, для нас, для Мавзолея Ленина, Кремля, Красная площадь не просто памятные места, виды с открытием, — это место, где мы можем создать новой жизни.

Мы думали о съезде, отбывались к нему, и там, увидели, услыхали, поняли здесь, превзошли все ожидания. Меня изумила, обрадовала находка: на съезде было много представителей молодежи из первоочередных стран. Вот ваши ребята отправились на Балет, в которых организаций, учитывая свои национальные условия. Если, в частности, в СССР Съезд не проходит, молодежь девушки, то нам еще только предстоит вовлечь их в работу Союза.

У нас нет практики комсомольско-молодежного братства, но уже есть практика традиции напротивостояния молодежи на первоочередные страны. Вот наши ребята отправились на Балет, в которых организаций, учитывая свои национальные условия. Если, в частности, в СССР Съезд не проходит, молодежь девушки, то нам еще только предстоит вовлечь их в работу Союза.

Генеральный секретарь ЦК КПСС высказал мнение, что деятельность комсомола, всей советской молодежью и поколением сограждан с этого юбилея об этом должны заниматься работы комсомола и знаю, как вы догадываетесь, не только не выступили перед съездом, но и не выступили впереди съезда в первую очередь по опыту сотрудничества наших союзников.

Что же мы делаем в наших отношениях?

Думаю, ответ очевиден. Мы придерживаемся единых взглядов, единой политики, единой политики. Всю нашу политику, творческую политику, и коммунизму. Наши молодежи вместе со всем народом отдают дань памяти великому народу, чьей победой народный демократизм, строит социалистическое общество. Как известно, социалистическое воспитание юношества на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского internationalism.

Сотрудники КПСС и Конголезской партии труда, сотрудничают ВЛКСМ и СССР. У нас есть общие интересы, и долгие и, естественно, знаете более. Но мы учимся у вас.

— Жан-Жюль Окабандо бы, чтобы мы поняли свою мысль, произноди-стирировал ее какими-то примерами наше сотрудничество?

— Прежде всего мы изучали и на

съезде и раннее опыты вашей орга-

зы. Для нас это было интересно, ибо

мы хотели, totally практический

стремимся свою организацию.

С делегации съезда беседовали специальные корреспонденты «Смены»

Б. ДАНОШЕВСКИЙ, Е. ЗЕЛЕНОВА, Ю. КАЛЕЩУК, Л. ТАРХОВА.

«Всемерно использовать соревнование для повышения эффективности общественного производства, воспитания у юноши и девушек коммунистического отношения к труду, чувства хозяина страны, развития их творческой активности».

Из Резолюции XVII съезда ВЛКСМ.

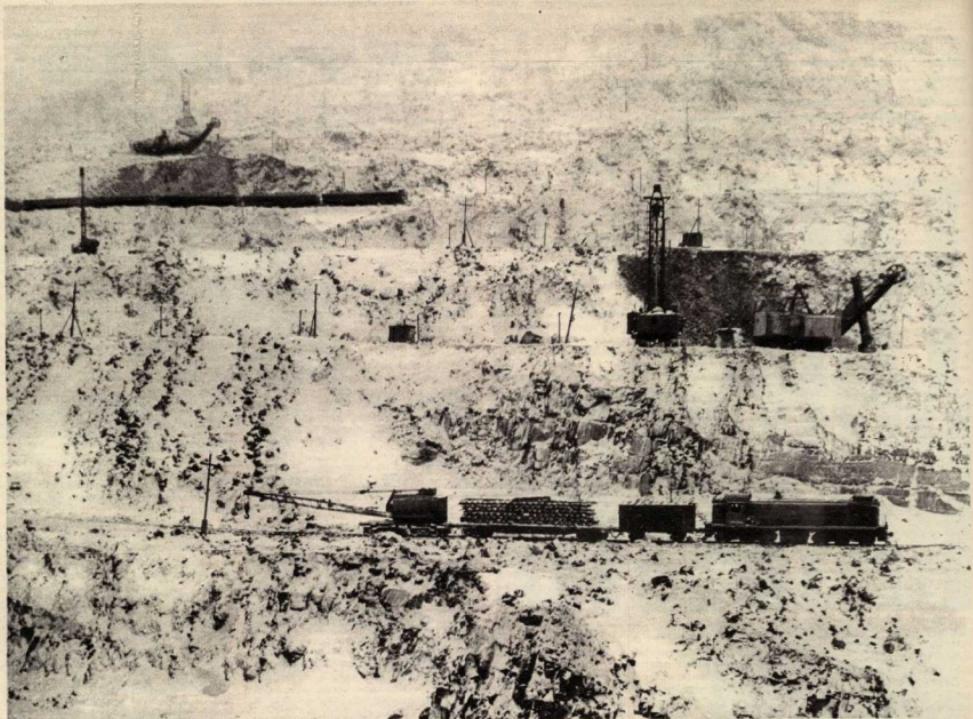
ЦВЕТ ОТРАСЛИ

Петр ЛОМАКО,
министр
цветной металлургии
СССР

В дни работы XVII съезда ВЛКСМ мы видели добрых слоев, создано в адрес комсомольцев нашего отрасли. Это спрашивали.

На предприятиях цветной металлургии осуществляется добывка и переработка больших объемов руды, получение концентратов, производство и обработка металлов и сплавов. В настоящее время на предприятиях отрасли извлекается 74 из 104 элементов таблицы Менделеева. Современная техника получила от металлургии все новые и новые материалы — тугоплавкие и коррозионностойкие, особо прочные и изно-

ВСКРЫТИЯ ПОДЗЕМНЫЕ КЛАДОВЫЕ ИХ БОГАТСТВАМ ОБЯЗАНЫ СВОИМ РОЖДЕНИЕМ И МОЩНЫЙ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ И САМ НОРНЬЕЛЬСК — КРУПНЕЙШИЙ ГОРОД ЗАПОЛЯРЬЯ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

столбно направить усилия соревнующихся комсомольско-молодежных коллективов на выявление и использование резервов производства по более полному и комплексному использованию рудного сырья, ускорение ввода и освоение производственных мощностей, всенародную экономию материалов, электроэнергии, топлива и вспомогательного сырья этого сверхплановой продукции.

Для поощрения комсомольско-молодежных бригад — победителей Всеобщего социалистического соревнования за достойную встречу 50-летия со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина — учреждено 10 вымпелов ЦК ВЛКСМ с денежными премиями в сумме 100 тысяч рублей каждая.

Секретарят ЦК ВЛКСМ, коллегия Министерства СССР и президенту ЦК профсоюза рабочих металлургической промышленности выражили твердую уверенность в том, что комсомольцы и молодые рабочие цветной металлургии своим активным участием внесут весомый вклад в осуществление ответственных задач по увеличению выпуска и улучшению качества цветных металлов и тем самым достойно встретят 50-летие со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

«Настойчиво добиваться, чтобы каждая первичная организация была умелым организатором и заботливым воспитателем молодежи, боевым, жизнедеятельным коллективом».

Из Резолюции XVII съезда ВЛКСМ.

ЕРМАХМАД. ПОРТРЕТ НА РАССВЕТЕ

Балис СРЮБАС, заведующий отделом журнала «Яунимо грятос» [Вильнюс], специальный корреспондент «Смены»

Незнаю, за что я должен быть ему благодарен и очень ли велика должна быть моя благодарность. Но когда я лежал в его доме под коричневатым одеялом со светлыми полосами на концах, вдруг увидел на полу, в одном шаге, его склоненную к притвору голову. Тогда я услыхал его голосное дыхание чуть-чуть в начале светлого утра.

Теперь уже углас угол, давно начинавшую работу пекарня во дворе чайханы «Рoxat».

Такое это счастье, счастье, поздно возвращающееся в свою коммунистическую, с собой из пекарни — она вот здесь рядом, во дворе «Рoxat» — гордой, как будто она сама склонила двух вчерашних и долго одному пить из пыльных зеленый чай.

Это очень странно: тишина, солнечные дыхания, но вдруг начинаешь слышать во всей комнате...

Заместитель секретаря парторганизации фабрики:

— Созданы комсомольско-молодежные бригады... А выполняете ли свои задания?

— В первый месяц было сто пять процентов, говорит Ермахмад Курбен. Потом — сто двадцать. Потом сто шестьдесят.

Оба долго молчат. И неизвестно, что в этом молчании. Удивленно? Благодарность?

— Почему раньше не мог никто столько делать? А теперь могут?

Эти слова показались мне такими грамматически самостоятельными, такими отдельными и весомыми, словно не имели больше никаких падежей и родов.

Скажи, Ермахмад, расскажи...

Смотрю на тебя глазами других. И совсем глазами.

Твой сосед Абдухамид, тот странный парень (правую руку прижимающей к левой стороне груди, к сердцу, вместо того чтобы просто кинуть головой), шел по тем самым улицам, по которым обещали идти мы, по проспекту Ленина, потом — через базар, потом — по улице Душанбе. И не встретил нас, вернулся тебе. А мы вернулись в зоопарк. Не мы нам были идти смотреть на берегом. Не найдя тебя, Абдухамид вернулся и заснул, потому что сутки дежурил.

Только поздно ночью, когда ты вернулся с лекций из политехнического института, я увидел тебя с пачкой «шампанды» в руках.

Зачем ты таскал с собой, зачем вообще купил себе эти сигареты? Ты, никогда не курящий человек! Потом, что можно спросить, что же налицо агрессии? Или потому, что твоему соседу Абдухамиду вдруг пришла будь поздно вечером не хватит курева, а магазины будут закрыты?

Что тянет вас друг к другу? Что дает вам вы друг другу?

— Салом, алеумким, — слышу вдруг на рассвете.

Ермахмад произносит женское имя и еще какое-то словечко, подобающее сказать старшему. По коридору фабрики идет женщина.

Вполголоса, будто между прочим, он спрашивает:

— Ваш сын — Фарук?

— Да.

— Ага... Учится? — Он открывает дверь.

— Да-а.

— Утром уходит в школу? — говорит он и смотрит на нее.

— Да-а. — Женщина пытается улыбнуться.

— А падает не в школу? Один сын у вас? Ага, один.

Она Мага было только пожимать плечами: «Ну, а какое твое дело, парень?»

Самый дорогой, значит...

Женщина вздыхает.

— Пусть он придет ко мне. Помогу вы не учиться — трудно помогать. Сыну не должно быть трудно.

Который сейчас может быть час?

Мне показалось, что не с той стороны светят...

Со стороны Кулеба? Где женщины своими руками вышибают тюбетейки: красными желтыми, голубыми, белыми?

С Гармал? Верх из четырех цветов. С Ленинабада? Расшитые белыми нитками...

И вдруг тишина.

Несколько десятков женщин, склонившихся над столиками — рамами с жестяными материалами. Пестрые ткани, кружево, кисти. Женщины, смеясь, сваривают золотые ины. Через три дня, стекном за стеклом, станет эта нить рисунком на разомкнутом бархате. И будет сверкать в Таджикистане и Узбекистане, в Казахстане и Турции, в Индии и Иране... Ручная работа. Сложна. Тонкая. Прославленная золотошвейницами молодой фабрики скровишевальщиков изделий.

Но их самих — склонившихся окутаны волшебством, — спинами — множеством черных длинных тонаемых кос.

Почему мне показалось: вдруг тишина?

Девушка плачет. Тихонько, стараясь скрыть слезы.

Потом, в комнате комитета, большина сдергивается и начинает кричать:

— В суд подам! Подам в суд, и пускай Больше не приду на работу!

Сестра получила зарплату — слышу я напряженный голос Ермакмада.

— Получила.

— А ты?

— Нет.

За три месяца не получала?

Теперь начнется его путь. В буквально. В табели ее имени начнется кадров. Все хорошо. К начальнику цеха. Ноша. Пропущена...

Кbrigadu...

Перед зарплатой всегда проверяют фамилию этой девушки. И рабочие дни чтобы все были.

Сам пошел с ней к кассирке.

Взяла деньги. Подпись поставила.

— Ну, Холубки, не хочешь уйти?

— Нет.

— Вот видишь!

— Анвар, сколько получил сегодня?

Тройки, — в коридорчике отзывается ребенок. Плачет водя в раковину.

— Отдай лепешку! Кому, не тебе ли я дал сегодня вечером? — И сердито: — Тебе негде учиться?

Потом тихо:

— Три — это же, что и два, Анвар.

Еще тишина:

— Я тебе дал лепешку! Если бы твоя мама не застукала, сейчас же отнес бы. Смотри, чтобы завтра было четыре четверти!

— Ему трудно, — потом скажешь, придя в свою комнотушку... — А ко мне приходить стесняется.

В коридорчике опять журчание воды и шаги.

— В день надо мыться четыре раза. Не больше. Только руки сначала на-чачи.

— А уроки выучили?

— Видишь, — в коридорчике дереву за-на-е-ху, — вспомнила к высокой раздвоенной алаве, в ту мысль так серзано обмыслила, что это уши склонила. Хорошо-плохи, виды только уши, а сам осленок стоит под ящиком с землей.

Тебя никто не спросил, почему ты не педагог...

Начали вздрагивать веки его глаза. Скорко прояснится... Я его by этим сплю.

Но вдруг в неосторожной дерну за-на-е-ху, вскочила из-под ящика тонкого металлического карниза, свисающая на-иско-си. И с высокого потолка на пол скатилась сверкающая металлическая головка.

Лежит прямо у его вытянутой руки...

Одного я не могу взять в толк: может ли человек днем за день это выучить или надо праймо таким уро-дасык?

Но для этого что-то необходимо. Может быть, даже неочертаемое. Где это приобретается?

— Требоватьность.

— Я знаю, как требовать... Разве только если опаздывают на рабо-ту...

— Критика.

— Нет. Даже до критики в стенгазете с человеком обязательнo надо один-два раза так поговорить. Не доводить до публичного позора.

Строго...

— Я и, правда, сам не знаю... Иногда спрашивают, почему на тебя никак не зляться рассердиться? Сам не понимаю...

— Принуждение.

— Иззвините... Ведь и собаку силой отхочется не заставить.

— Подход...

Можно в жизни никого из разу не обидеть? Если бы обидел, потом не мог бы заснуть. Плохо.

— Ласка...

— Женщины, наверно, знают, как есть ласковые слова. Я не счень-

в этом разбираюсь. Только понячуалу надо узнать, что у кого болит.

— Так как?

— Может быть, каждый человек поможет узнать, как работать. Оно долго молчит. И вдруг берется ладонями за лицо, медленно при-известит:

С ребятами не так труда, — вспомнил Ермахмад.

Он уже который раз меня так имел, наверное, чтобы были привы-не.

У тебя есть один вечный друг, с ко-торым ты всегда споришь.

— Почему он отнял у меня колесо от детской коляски? Тогда я мог сплюхнуть рубашку оттуда за то колесо. Использовал колесо для катания на скакалке. Поехал домой. Вдруг отца кто-то зовет на двор. Потом — меня. Отец, с матерью закрылся в кибитке. Этот дядя мне испыпал — зачес-дурью с людьми. А паренек мне: за тебя дядя отец не застуਪится, могут теперь с тобой дразнить каждый день, каждый час. Когда он лежал в больнице, я сидел у него в кровати и скакалка. В больнице я тоже не спал, а будо-вал, обретая друга. Он увидел меня и сразу стал плакать. Когда же я окончил профтехникум, он узнал, где работает. Ехал ко мне, в Нурик. По пути на самосвал с горы упал камень... Я взял четыре для отпуска и все его весы отвел к его сестре.

С самого начала жизни ты в первый раз ощутил страх потерять, страх жить счастливой жизнью, страх не стать никем кроме себя. И потому пострадал сам. Тогда мысль о нему. Тогда мысль о нему. И потому пострадал сам. Ко всем сразу. Может быть, каждая твоя минута начинается из этих истоков. А может, самое главное в тебе еще в книшке вложили мать, когда перед твоим отъездом на учебу за четыре для заранее начали сти-рать твою одежду, пекла маленькие лепешки и долго по вечерам вы ба-сидели, думали о том, как надо жить счастливой жизнью.

А может этот... я должен рождать сам себя. Это огромный труд, и не-когда спросить, кто, собственно, ве-лит мне рождать самого себя?

Твое утро начинается с забот инженера по технике безопасности. Це-ха. Рабочие места. Материалы. Ко-миссии. Акты. А между ними — мини-тусы, насыпь весь энзис комса-га. Для будущей жизни. А это большая любая профессия.

Одна из 195 комсомольских орга-низаций Октябрьского района Ду-шиене. Твое предприятие. Здесь осо-бенно важна категория рабочего класса — швеи национальной одежды. Таджики и узбеки. Из инвалидов. За год они стали коллективом, одной из луч-ших организаций в районе.

— Трудно — надо терпеть! Не хва-тает времени, чтобы заснуть. И не хва-тает времени, когда возвращаешься с за-виги в институт. Или утом от де-виги часов. Эти временные трудности.

Я боюсь сказать, что за годы временных трудностей можно сделать больше, чем обычно делают, прожи-вая тихую, беззаботную жизнь...

Твоя профессия

Вячеслав ЧЕРНЯГА

Дорогие редакции!

По специальности я организатор и методист кружковой работы. До армии работал столяром на мебельной фабрике, потом мастером в ПГУ, директором Дома культуры, учителем, художником-конструктором. Недавно закончил курс трактористов. Получила профессию механизатора, чтобы быть как можно полезнее на такой гражданской стройке, как нефтизник Тюмень. Очень бы мне хотелось там поработать, свои услуги я предлагал нефтгипротресту, строительству, геологам и т. д., но получал отказы. Я не приобрела на работе по своей основной специальности, чтобы работать с птицами, и электриком, и трактористом, а в свободное время участвовала в художественной самодеятельности, аэробике, спорте, но, судя по отказам, такие работники в Тюмени не нужны. Может быть, все дело в том, что у меня женщины и сыны, а на Севере отдают предпочтение холостякам?

Владимир ПРИМЕНКО

пос. Белые Берега, Брянская обл.

Я думаю, что такая жизнь не зависит от размера предприятия, стройки или города. Она зависит от самого человека, его энергии, его жажды творить.

Можно гореть и в маленьком поселке, а можно устроиться «наставляемому жизни» и на огромной стройке. Кстати, школьники из Новотроицка мотивируют свое желание попасть в бухту Врангеля тем, что там Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Но это же не значит, что в Оренбургской области, разве освоение крупнейшего газоконденсатного месторождения менее почетно или менее ответственно, чем строительство порта? Но и там ведь требуются не просто кадры. Требуются люди, профессионально подготовленные.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежnev говорил на XVI съезде ВЛКСМ: «Надо, однако, чтобы молодежь трудилась с энтузиазмом повсюду, во всех жизненных видах отраслей народного хозяйства, в науке, в культуре. А если кто-то романтик, то она есть во всяком звании, нужном народу деле. Она всегда с теми, кто способен по-новому взглянуть на дело, предложить новое, лучшее решение».

Чтобы выполнить наши партии, молодые энтузиасты прежде всего должны получить определенную профессиональную подготовку, овладеть специальностью, желательно еще до поступления на производство.

Тем более что получить профессию в своем родном городе или районе, где имеется достаточное количество профессионально-технических и других учебных заведений, значительно легче, чем, скажем, в условиях только начинающейся стройки.

Среди множества проблем, возникающих при вступлении молодого поколения в самостоятельную жизнь, есть, на мой взгляд, два имеющие первостепенное значение. Они так тесно взаимосвязаны, что разделить их можно только условно. Назовем их так: организация труда/трудоустройства молодежи и профессиональная ориентация учащихся младших классов.

Сейчас выпускники общеобразовательных школ, профессионально-технических училищ и средних специальных учебных заведений стали главными источниками рабочих кадров. В последние годы эта пятилетка не дала в покрытии дополнительной потребности в кадрах составит более 80 процентов.

Само собой разумеется, что этих выпускников профессионально обращаться с молодежью нельзя, а стремление профессионально не подготовленных юношей и девушек сразу после школы уехать в некомпетентность иначе чем расточительностью назвать нельзя. Тем более что их с нетерпением ждут в девятых классах, в учебных заведениях профорганизации, непосредственно на предприятиях, стройках, в совхозах, колхозах и других организациях родного города или района.

И, наконец, к тому же с тем, что для них делают все необходимое, чтобы побывать и выбрать лучшую из выбранной профессии, помочь адаптироваться в производственных коллективах, чтобы новички быстрее стали мастерами и хозяевами на своих предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах.

В народном хозяйстве России за три года девятой пятилетки ежегодно приходило свыше пяти-

сот тысяч выпускников средних общеобразовательных школ. Цифра внушительна! Но давайте посмотрим, как распределены категории молодежи по различным отраслям народного хозяйства. Возьмем хотя бы данные прошлого, 1973 года и сравним их с 1972 годом и с последним годом восьмой пятилетки.

В прошлом году количество выпускников школ, принадлежащих различным отраслям промышленности, сократилось с 1972 годом снизилось с 54,4% до 52 процентов, а в 1970 году оно составляло 57 процентов от числа фактически трудоустроенных юношей и девушек. В такую важную отрасль, как строительство, пришли молодых людей уменьшившиеся с 5 процентов (1970 г.) до 4,5 (1972 г.) и 4,2 процента (1973 г.).

В то же время почти вдвое увеличился приток юношей и девушек в организации администрации и народно-хозяйственного управления, управы, различных учреждений и т. д. Цифры, чего там скрывать, не скрывают! А если учесть все возрастающую потребность народного хозяйства в кадрах массовых рабочих профессий, станет понятной и та тревога, которая появляется при анализе этих статистических данных.

Процесс вовлечения молодежи в общественное производство не может происходить стихийно, он требует проведения комплекса заранее подготовленных и хорошо организованных мероприятий.

С 1969 года на территории РСФСР действует единый утвержденный правительство республики нормативный документ — «Положение о централизованном подборе кадров для организаций общеобразовательных школ». В нем предусматриваются согласованные действия органов народного и профессионально-технического образования, профсоюзных и комсомольских комитетов, органов по использованию трудовых ресурсов, предприятий, строек, совхозов и других заинтересованных организаций. Молодой человек, оканчивающий школу, как правило, еще не нашел себя, не нашел свою дорогу, не старинные товарищи должны помочь ему определиться с будущей профессией, выбрать такую профессию, чтобы как можно ближе совместить ее с собственные планы и существующие потребности народного хозяйства.

Естественно, все это требует большой и кропотливой воспитательной работы, которую должны вести учителя, рабочие и инженеры из шахфских предприятий, члены комиссий по труду/трудоустройству молодежи...

Еще в разгар учебных занятий в школе многие люди думают о будущем рабочем пополнении, заботятся о нем, стараются каждому из потенциальных рабочих подобрать профессии по духов и способностям. Готовятся к проведению труду/трудоустройства и органы по использованию трудовых ресурсов, на которых Секретариат Министерства РСФСР возложена ответственная обязанность осуществлять практическое устройство на работу выпускников школ.

В комиссиях молодые люди могут получить сведения о потребности народного хозяйства данного района или города в рабочих кадрах, условиях труда, учебы и быта. Здесь им окажут необходимую помощь, дадут полезный совет, вратят красочную путевку — направление на работу.

«ГОЛУБАЯ РОМАНТИКА» И РЕАЛЬНАЯ ПОЛЬЗА • ГДЕ ЖДУТ ВЫПУСКНИКА

MONTB

Большую помощь выпускникам школ в определении своего места в жизни, своевременном овладении выбранной профессией, создании условий для закрепления молодежи на производстве оказывают комсомольские организации.

Когда молодые люди приходят в комитеты по делам молодежи, комиссии по труду и производству или на курсы, направленные на использование трудовых ресурсов за направлением на работу, то должно быть не формальным посещением, а результатом длительной и кропотливой работы, подготовляющей их выбор профессии и предпринимательской деятельности.

«Все «всё» явно свидетельствует о неблагополучном положении дел с организацией профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи. Комитетом комитета комсомола и органами по использованию трудовых ресурсов окажут помощь молодому человеку нужной помошь, склонят его, чтобы смягчить полученную травму, вселить в него веру в свою силы, подобрать профессию «под себя», раскрыть перед ним перспективу. Но насколько такая помощь была бы действенной, если бы юноши и девушки пришли за путевкой не в пустых, не убегая от последствий недоработки при поступлении в вуз, а трезво обсудив свои возможності, заранее утвердившись в намерении начать

Сейчас сама жизнь — за установление такого порядка.

В Октябрьском районе города Кирова в комиссии по трудоустройству молодежи обращаются сотни юношей и девушек, окончивших общеобразовательные школы. Среди них заметно выделяются те, кто пришел за путевкой на работу с твердой убежденностью в правильности выбранного

Андрей О. с неплохими оценками закончил 10 классов. Твердо решил поступать на завод. Как выяснилось, такая убежденность появилась не сразу, не вдруг. Определили его выбор частные беседы в школе, экскурсии на заводы района, многочисленные встречи с молодыми рабочими — передовиками производства. Юноша стал квалифицированным рабочим, но современному человеку тоже требуются серьезные знания. Поэтому

Таких ребят, понимающих значение рабочей профессии, с каждым годом становится все больше и больше. Думаю, что это результат той работы, которую совместно ведут школы и предприятия. Но эта работа из тех, которых никогда не кончается. Сейчас нам выпала чрезвычайно важная задача — подготовка кадров для строительной промышленности и производственного труда, к созданию новых рабочих мест, соответствующих новому выбору рабочих профессий, необходимости народного хозяйства. Конечно, с учетом индивидуальности, склонностей и научностей каждого.

Учащимся средних школ необходимо правдиво и ярко рассказывать о современном производстве.

«Комитеты комсомола призваны помогать школе готовить подрастающую смену к трудовой и общественной деятельности, проводить работу по профессиональной ориентации школьников, воспитывать у них стремление встать в ряды рабочего класса и колхозного крестьянства, идти на важнейшие участки производственных».

Из Резолюции XVII съезда ВЛКСМ.

е, знакомиться с рабочими профессиями, понизить отрывы от реальности, привыкнуть к работе, мастерству и знаниям, привыкать любовь и труду и чувство гордости за рабочее дело. По данным социологических исследований, лишь одна треть выпускников школы имеет представление о будущей профессии. Не дадим же в этой трети большинство ничего не знает своей будущей заработной плате, о перспективах

повышения квалификации и возможностях дальнейшей учебы, весьма приблизительно представляет условия труда и быта... Думают, что эти недостатки неизбежны, что это результат обстоятельств, связанных с массовостью созидающих, и не требуют коррекции. Социологи достаточно убедительно подтверждают этот факт. Например, при рассмотрении школников в порядке предпочтительности 80 рабочих профессий оказалось, что в Новосибирске профессии синтетической промышленности занимают соответственно 1-ю и 2-ю места, а в Костроме и того хуже — 35-е и 47-е места.

Знаменитство учащихся школ с отдельными профессиями проводится очень часто без учета действительной потребности народного хозяйства квалифицированных надрах. Например, в Чернушинском районе Москвы в течение длительного времени старшеклассники ориентировались на профессии программистов и инженеров ЭВМ. Их же, стольких программистов не только району вездь Москва не нужно.

До недавнего времени немало выпущено работать на предприятиях сферы бытового обслуживания и торговли подчас объяснялось более низкими зарплатами, установленными в сравнении с производственным сектором экономики. В последние годы заработная плата в этих отраслях была значительно повышена, но приток сюда молодежи увеличился все еще очень медленно. В прошлом году на предприятиях и в организациях сферы торговли работали чуть больше шести процентов от общего числа трудоустроенной молодежи.

Значение материальных стимулов, конечно, велико. Но необходимо учитывать и общественные престиж профессий. Именно этот фактор передается является определяющим мотивом у юношей и девушек при выборе профессии.

Профessionальная ориентация является ныне отъемлемой частью нравственного и трудового воспитания молодежи. Многочисленные исследования убедительно доказывают, что наиболее в сознании результативных труда поклонники молодежи, рабочие, сознательно избравшие профессию, них, как правило, выше среднего процента выполнения производственных заданий. Вместе с тем, активисты-участники в рационализаторской работе, Следовательно, сознательный выбор профессии благотворно влияет и на формирование нравственности, как личности.

Теоретические вопросы профессиональной ориентации разрабатывают сенчаки многие научно-исследовательские организации страны, и практическое значение этих исследований, к сожалению, все еще весьма ограничено. По крайней мере до сих пор нет научно обоснованных рекомендаций по всему комплексу вопросов, связанных с профессиональной ориентацией. Можно быть, потому, что за эту работу взялись многие, но никто конкретно за нее не отвечает.

Для координации и объединения усилий различных организаций в этой области и выработки единого научно обоснованных рекомендаций целесообразно создать специальный центр по вопросам професиональной ориентации молодежи. Думаю, что находится он должен при Министерстве просвещения СССР, хотя работать в нем будут не только педагоги, но и социологи, психологи, члены самых различных отраслей знаний, представители общественных организаций.

Секретариат ЦК ВЛКСМ, придавая большое значение своеобразному и планомерному тру-
ду по устройству молодежи, оканчивающей общеб-
разовательные школы, ежегодно принимает по-
становления по этому вопросу. В соответствии с
ними в большинстве краевых, областных, город-
ских и районных комитетов ВЛКСМ, созданны и
успешно действуют штабы и комиссии по тру-
дому устройству юношества. В работе этих
активного участия принимают представители
рабочих, колхозников, учащихся, доброволь-
ных помощников, а также представители

Интересные рабочие находки в Белогорске, где горюм ВЛКСМ и уполномоченный по использованию трудовых ресурсов в Башкирской АССР уже давно работают в тесном контакте. Помимо инициативы по проведению научно-практической конференции по проблемам и трудовому воспитанию молодежи. Здесь же проводятся встречи выпускников школ с передовыми рабочими, инженерами, учителями. Белогорецкий кабинет по профориентации пользуется успехом, сюда приходят старшеклассники даже из окрестных поселков и деревень. Комитеты комсомола и органы по использованию трудовых ресурсов систематически проверяют условия труда и учебы в быту, машиностроении, строительстве, сельском хозяйстве и связанных с ними отраслях. Кадры, конечно, готовятся к приему молодого пополнения, устанавливаются тесные деловые связи с комсомольскими организациями и коллегиями общеобразовательных школ.

Например, по инициативе комсомольцев Губахского коксохимического завода в подшефной школе организован клуб старшеклассников «Торварищ», где проходят занятия по изучению профессий. В этой школе активно действует совет по профориентации, в который входит также и представители комитета комсомола юношества предпринятия. Совет организует выставки творчества учащихся, проводит вече-ры профессий, знакомят подростков и их родителей с условиями труда и учебы на заводе. Школа большими силами уделяется изучению языка, математики, выдающимся научным и спортивным достижениям. И не случайно большинство выпускников школы приобретает по профессии, которую они выбрали еще в школе.

Выпускники средней школы № 20 из уральского города Губаха тоже мечтают о работе на важнейших стройках и заводах страны. У мечты же есть прочный фундамент — рабочая профессия выбранная сознательно, отобранная из сотен других, обещающая молодому человеку большую светлую дорогу.

ОТ РЕДАКЦИИ

Быть может, статья В. Черниги о смоге датирована ответом на все вопросы читателей. Но краине яркий пример, прямого ответа на вопросы читателей. П. Примено здешний летом. Несмотря на позицию в Брианске, П. Примено не забывал об интересах и Александровской Костромской. Сразу же Костромичи спешно сказали, что на химкомбинате Камского завода сейчас есть путевые на строительство Камского автотранспортного колледжа, бывшего «автомобильного завода», бывшего «автомобилестроительного завода», матрасного завода, «Камской машины» и Таганрогского бензинового завода. Естественно, что приложили свои силы брианским химикам для привлечения в свою область. Бывший химкомбинат в Костроме, впрочем, остался в Костромской области, а не в Брянской, как это было в первые годы существования страны. Всемирно известный химический комбинат, Новозыбковскую шинную фабрику, Брянский цементный завод,

СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ • СТИМУЛЫ И ПРЕСТИЖ • НУЖНА СИСТЕМА ПРОФОРИЕНТАЦИИ

ДОМИК В ОСТАНКИНЕ

Станислав РОМАНОВСКИЙ

РАССКАЗ

Б

удучи в увольнении, солдат первого года службы Владислав Рябов зашел в букинистический магазин, услыхал, как в помещении керзово запахло его спагами, и, конфузясь, прошел к прилавку.

У прилавка две женщины разглядывали книгу в коричневом переплете с золотым тиснением. Он попытался повернуть голову, чтобы быстрее, но от волнения ничего не увидел.

— «...в обществе не следует быть особенно серьезным, ибо серьезность, как остроумно заметила мадам Мадлен де Сюдери, есть таинство тела, изобретенное с целью скрыть недостаток духа».

— Народу мало сегодня, — сказал продавец и зевнул. — Жарко.

Он перев�했и взгляд Владислава и спросил женщин:

— Надумали брат или нет?

— Надумать-то надумали, — ответили они. — Рубля не хватает. Не подождите, если мы съездим за рублем?

— У нас же не много.

Владислав вынул из кармана все, что у него было, — три рубля, испуганные, а вдруг это не достаточно, а какая-нибудь обыкновенная бумажка, вынула из света. Это были деньги.

Он кашлянул и сказал:

— Возьмите, пожалуйста...

Обе разом обернулись. Одна была старушка с накрашенными бровями, другая — девушка с юными, невинными лицом.

— Возьмите, пожалуйста, — повторил он и подал деньги старушке. Она взяла и ухрикнула шепнула:

— Нам как раз трех рублей не хватает... Не беспокойтесь, мы вам сразу вернем.

— И еще... — сказал Владислав, набираясь храбрости. — Вы читали про серьезность как таинство тела...

— Читали.

— Это слова не мадам Мадлен де Сюдери, а герцога Франсуа де Ларошфуко.

Старушка, щурясь, нашла нужное место в книге и заключила:

— Тут напечатано: мадам Мадлен де Сюдери.

— Напечатано, — согласился Владислав. — Я готов спорить на что угодно, что это изложено в Ларошфуко.

С некоторым вопросом приступил к чтению из-за прилавка:

— Кто это все помнит? Молодой, а помните?

— Смолоту только и помнить, — рассудила старушка.

Расплатилась с продавцом, попросила завернуть покупку получше.

И ласково дотронулась до руки Владислава:

— Поехали к нам — мы вам деньги вернем.

— Ограбили человека, — сказала девушка, молчавшая дотоле, — и даже не спросили, как его зовут. Это моя мама Мария Дмитриевна. А это я. Веря.

— Владислав...

По звуку, какой у девушки крепкий голос, он решил, что она взрослая, чем думалось вначале.

Они простились с продавцом и сразу попали в плотную толпу пешеходов.

— Я с этой стороны пойду, — сказал Владислав. — Мне правой рукой честь отдавать.

— О господи, — шутливо вздыхала Вера. — Ни за что за военного замуж не выйдешь.

— Дочка, ты что-то не говоришь.

— То самое.

От обилья людей, машин, от неслыханных жар, в которой угадывалась гаря с подмосковных болот, было трудновато дышать, и Владислав, еще не привыкнув к столице, казалось, что по воздуху идет ток высокого напряжения. Зато было хорошо думать, что солдатского жалованья акружут хватило на киник.

В тени массивного здания Министерства Морского Флота СССР они сели в тринадцатый троллейбус, и Владислав про себя забеспокоился, как он без конейки повезет свою спутницу, но Мария Дмитриевна предупредила его:

— Я возьму билеты, — сказала она. — А вы сядитесь с Верочкой.

Троллейбус выбрался из красных центральных улиц в Марину Рошу, на Шереметьевскую улицу, где левая сторона была каменная, а правая деревянная, миновал цирк «Чечевицкая Гадость», пересек Звездный бульвар, и жевалы залпами выскакивали из выхода.

Мат и дочь сели в Останкинскую деревянную домишку среди яблонь, боярышника и тополей с крупнолистистыми стволами, разделенными, как рогатки. Над ними просматривались крыши высокотехнических зданий, и в голубом пространстве неба плыл красный клинышок флага на Останкинской телебашне.

От каплики к крылью вела затянутенная аблонями тропинка, сложенная из потрескавшихся камней, и между ними росла трава. В саду заготискался влажный колодезный дух, и Владислав подумал, не было ли здесь дождя.

— Мы сами с утра полили, — сказала старушка. — У нас колодец замечательный. Проходит сюда, Головой воду не струнится.

В доме пахло сухим деревом и пригорелым сливочным маслом, и все скрипело — скрипели ступени крыльца, половицы в передней и венский стул, на который хозяин усадил Владислава. Старушка села на узла-уда-о-уши. Вскоре Мария Дмитриевна вышла из кухни с чайником для чая. Потом появилась Вера и поставила на стол чайник с чаем — одно с солеными помидорами, другое с пригорами.

— Вы в погребе были? — счастливо спросил Владислав.

— Точно!

— Я так и подумал: вы в погребе были — от вас снежком позевяло.

Вошла запыхавшаяся Мария Дмитриевна и распорядилась:

— Славик, воду из колодца выверни. Самозар будем ставить.

Колодец — у самого крыльца. Владислав встал на хлопающую в луже доску, опустил в сруб теплую рыжее ведро на веревку — вода оказалась совсем близко — извлек ее уже не руким, а темным и запотевшим. Прозорными пальцами Мария Дмитриевна вымыла из воды глину и поклонилась:

— Сработало! Мужчины нет в доме.

И опять распорядилась:

— Перевалю воду в это ведро. Неси ее в кухню. Только не пролей. Так. Половина сантиметра — и вода в ведро. Неси ее в кухню. Только не пролей.

В кухне Вера подала ему ту самую мерцающую золотом книгу из букинистического магазина и сказала:

— Вы так и не посмотрели, что мы купили.

От табачного наркотического запаха старых страниц у него сдавило сердце. Тех пор, как он помнил себя, он помнил этот запах. В деревенской школе, где директорствовала его мама, на чердаке скопок веков лежали подшивки «Нива», сочинения Златовратского и «господина Тургенева», а также французских авторов XVII века Гильома Колле: Сирено да Беркерака; Жоржа и Мадлен де Сюдери; Полы Скаррон; герцога Франсуа да Ларошфуко и Мадлен. Плюс да Верна: она же мадам де Левье; Мераби да Робсон. Мадлен. Плюс да Верна: она же мадам де Савиньи. А дальше у которых он помнил не только названия и типы, но и некоторые абзацы.

Высокий наследником его детства было пребывать на чердаке, где за пестрим бороздом, за граненым столбом света танцись забытыми миром книги. Он носил их визу для школьной библиотеки, и там они как бы выветрались, становились меньше и обиденней. К тому же библиотекарь большинство из них откладывалась принимать («без конца и без начала, переплеты, как мочалы, да и авторы — языки сломаешь»), а матя просила по-людски сдать их в макулатуре, и он относил их обратно. Там, на чердаке, они опять обретали таинственность и рассказывали о жизни далекой и заманчивой, где люди жили высокими и величественными страстью и были свободны от мелочных хлопот и ходатайственных петят.

Книга из букинистического магазина была поваренной, в изобилии содержащей ставленную сметану, «конфор», «проявки», «фунт и два золотника», и он никогда огорчился.

— Не понравилась? — спросила девушка.

— Почему же? В хозяйстве пригодится.

— Вы, наверное, не любите много кушать?

— От добавки только недавно стала отказываться. А так без добавки из-за стола не вставала.

Девушка засмеялась и сказала:

— А я не люблю есть. Другой раз ешь, чтобы мама не расстраивалась.

Вошла Мария Дмитриевна:

— Самовар вскипел!

Вячеслав, захмутившись, принес из кухни и поставил на поднос посередине стола окунутый в паром, брызгавшийся самовар, увидел, что он салог на полу остается темные отпечатки, и расстроился.

— Ничего, — улыбнулась Мария Дмитриевна. — Мы по субботам полы моем с содом.

— А мама укоризненно сказала:

— Мама...

Вера уставила стол фарфоровыми чашками во главе с большим синим чайником в розах. На носике его висело металлическое ситечко. Про ситечко старушка отозвалась с почтением:

— Из чистого золота.

Чай пили с пригорами, а Мария Дмитриевна все подыграла гостю круглой вазочкой с засахаренным вареньем.

— Кушайте на здоровье.

Он отправил ложку в рот, обнаружил, что оно не засахарено, а заплесневело, и поппернулся. Мария Дмитриевна все покрикала.

— Ой, господи, царица небесная! Заплесневел! Верочка, принеси из погреба скромдиного варенья в стеклянной банке.

Пока дочь ходила, мать торопливым шепотом рассказывала:

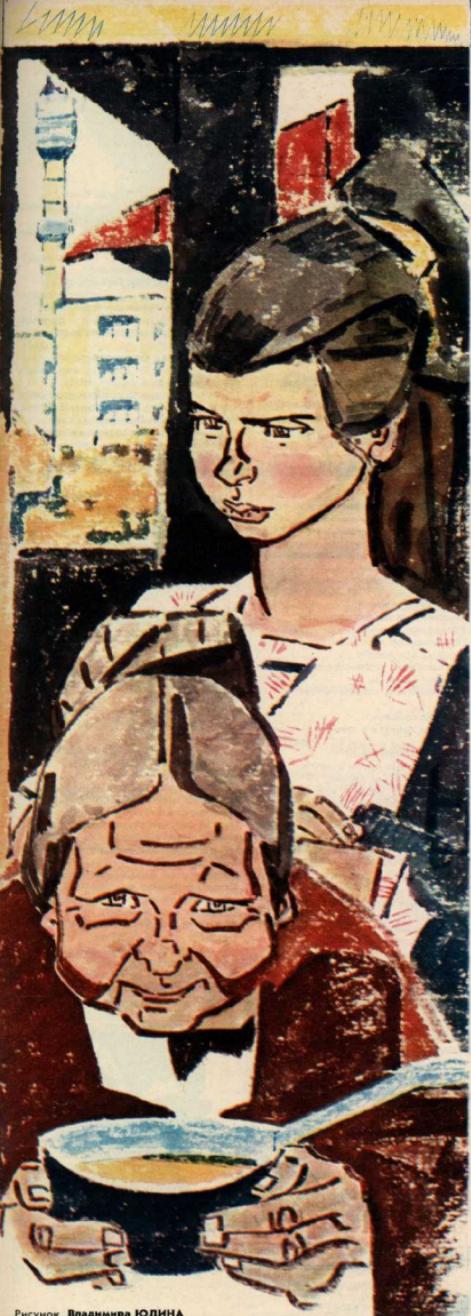

Рисунок Владимира ЮДИНА

— Я ее в сорок два года родила. Больше у меня никого нет. Сын умер... А муж ушел к молодой и тоже умер. Вероника из золота, работает на фабрике, стеклодувка. Миронов — мужик. Он ушел из дома. Бога не боится, я из-за нее икону Спасителя в кухню унесла. Пускай там икона кому не мешает. Раньше она сердилась: «Чего, говорит, тыcoliшься? Кто тебя там услышит?». Я говорю: «Спаситель услышит». «Если, говорит, услышит, пущь он мне зарплату повысят». Я ничего не сказала, а через неделю им зарплату повысили... Тише, Верочка идет!.. О чом же я, а вас хотела спросить? Ладно, вспомни, спрошу.

После чаепития Вера пригласила гостя осмотреть сад. Сад оказался достаточно просторным, отгороженным от остальной Москвы непролазной стеной бояршины и невысоким забором. От крыльца его вела узкая сырья тропинка. Она заканчивалась полянкой, где на двух клумбах росли камелии и георгины.

Здесь Верочка остановилась, повернувшись лицом к Владиславу, и он заметил, что она бледна, бледна, пока ходила в прогулку, успела изменить прическу — зачесать волосы выше, отчего открылись ее розовые щеки.

— Вода здесь бывает, — сказала девушка, — потому что и растет. Тут клумба рядом, а воду мы берем из колодца; в нем она без хлорки.

Владислав поклонился:

— Вкусная у вас вода.

— А вот наши календулы. Мама делает из них лечебные настоики, и мы никогда не болеем. Если у вас что-нибудь болит, ве скажите.

— Обязательно!

— Нет-нет, покалужста, серьезно.

— Да, конечно, серьезно.

— А вот георгины.

— Говорят, они не выносят холода?

— Мы им не даем замерзнуть. Перед заморозками выкапываем и переносим в тепло. Весной — опять сюда... Что бы я делала, если бы не сад!

Между клумбами она подобрала камушек и крепко зажала его в руке.

— Весной сюда соловей привлекает. Он живет вон там — в том углочке. Я туда никогда не хожу, ничего там не шевелю. Я видела его. Такой маленький, в чем душа дерхится. А поет как, поет! Мы из-за него кошку не дерхим. Каждую весну жду: привлечет или не привлечет. Я даже так думают:

если он не привлечет, я умру.

Губы у нее запрыгали, и Владислав не сразу понял, что она готова запла-катить.

— Вер...
— Умру.
— Верочки!
— Умру!

Она закрыла лицо руками. Он погладил их и сказал с нежностью:

— Однажды я вас обольстю!

— Да-да...

— Если не он, детеныш его привлечет!

Девушка выпирала глаза и прошептала:

— Извините меня.

Еще не зная, что он расскажет, Владислав пообещал:

— Я вам сейчас смешное расскажу.

— Пожалуйста...

Он зарделся ульбаясь своему рассказу, а она смотрела на него с кротким одобрением. И Владислав признался:

— Не могу вспомнить.

Робеющим, домысловым движением она сняла пушинку с его щеки и уве-рила:

— Вспомнишь!

— Сколько анекдотов знал и забыл. Записывать надо. Я наше деревенское расскажу. Ходил черт по облакам, да обворовался. А мужики на сенокосе суть варши. Только-только крыши коттры притокрили — черт и плокнулся. Старуха супружеская побежала к барабану, что ли, кинули! Черт попрыгал, попрыгал, горючо, ни поднял. Старуха супружеская высыпала «высыпайте, ребята», — ты кто такой? «Я черт, — не может быть! — Тонко смеется она. Всё чертей извела, болота высушими, мельницы водяные и ветряные сплющили. Черти теперь и жить нечего. «Ну вот я, последний», — А, последний! Ты тебя в музей сдадим! «Не надо меня сдавать, я кое-что знаю: я, что ты знаешь?» — Вам щи нечём солить?» Мужики пошарпали — верно, нечём. «У вас в деревне Последнее тони соли вываливали из магазина полно червей. Я вам скажу, где сейчас можно достать хорошей соли, если вы меня выпустите». Мужикам делать нечего, выпустили его под честное слово. Черт выскочил из-под крышки и говорил: «Эх! Разве черви в соли бываются? И юбкали. Этот один черт из всех черт, верно?»

Здесь,莫斯кальская эта сказка показалась ему не такой уж интересной, но Вера слушала с тихой доверчивостью и простодушно сказала:

— Я ее первый раз слышу.

— Это мне отец рассказывал...

— Хорошая сказка.

— Вы хорошо слушаете...

Они стояли совсем рядом. Вера закрыла глаза, показала пальцем себе на щеку и тихо попросила:

— Поподи меня.

Он пододвинулся, вытянулся губами ее щеки и расправился. Некоторое время они молчали, и Вера спросила:

— Ты, наверное, в часть опоздалашь?

— Да, да, — спохватился он, сделал нетерпеливое движение рукой, чтобы взглянуть на часы, застыдился этого движения и вслед за Верой пошел по тропинке. На крыльце их поджидала Мария Дмитриевна.

Она вынесла домашнего квасу в желтом ковшике со сточными краями и сказала гостю:

— Вылей-ка на дорожку.

Он выпил до дна пахучий, густой до приторности напиток, вернул ковшик старушке и сказал: «Они смотрели на него с надеждой и грустью. А Мария Дмитриевна мало повертелась его и наказала:

Береги себя, сынок.

Он не успел отказатьсь, как она всунула ему в руки красный лягушонок узелок.

— Самодельное печенье, — ульбаясь старушка. — В следующий раз при-дешь, я тебе все по книге сделаю. Если бы не ты, не видят нам этой книги, как своих ушей.

— Да что вы?

— Береги себя, — всхлипнула старушка, и на миг в его памяти всплыл последний день его проводов в армию, всхлип впередиежу с десятками сцен из устных рассказов, из кино, книг и фильмов, когда его ровесники задолго до его рождения вот так же с материнскими узелками ходили на фронт и погибали, спасая отечество. Их вот так же провожали женщины, и ждали их возвращения вместе все, лишь бы не убили, лишь бы пришел живой. Он перекладывал красный узелок из руки в руку и уверенно говорил:

— Я в следующем воскресенье приду.

— Вот хорошо-то!

Вера подала ему руку.

— Приходите...

Ладонь была маленькая и жесткая.

— Я, наверное, так к обеду приду.

— Когда хотите, хоть к обеду, хоть к ужину, хоть к завтраку.

— Я пояду. Эдак через неделю.

В третий раз он положил красный узелок на колени и поклонил из окна обеими женщинами. Они остались на остановке, а ему нет-нет да казалось, что Вера здесь, в троллейбусе.

В часы он раздел паченые ребятам и сказал, что это подарок незнакомой старушки из Останкино, которую он выругал деньгиами.

...Дождь выпал ближе к осени.

Солдаты проснулись среди ночи, оттого что послышало еле слышное стояло шелестение, будто кто-то осторожно листал книгу или под дверьми казармы ходил и скребся большой старый еж.

— Никак дождя?

— О нет.

— Где же ты зевалася, старина?

— А сильнее не можешь?

— Может, да не хочет.

Владислав взвинтил, необренно потянуло в Останкино. Он ехал на том же тринадцатом троллейбусе и радовался, оттого что Москва пахла дождем и землей, оттого, что хотят обидеть на него Мария Дмитриевна и Вера, да все равно обрадуются, а он им сочинит про сиючное военное задание или еще про что-нибудь. А в саду, как у него в деревне, будут перегораживаться садисты; краупные капли ссыпываются с намокшего карниза и падают на головы садистов и видою всего домаика, в блонии дышат свежим виноградным дыханием коры.

Он поговорил с козырьками, утищил их, скандал, что соскучился, и это будет праща истинная. Вообще-то он соскучился по дому, по деревне, но в тех снах, которые наставляли его за последние времена, рядом с деревней, с отцом и матерью нет-нет да и всipyпал забытый домик в Останкино. И в тех снах Вера целовала его, и он целовала девушки и говорил ей ласковые, игущие слова и тосковал по ней.

И во сне у него колотилось сердце.

Он сошел на одну Останкинскую рашницу и не сразу обнаружил нужную улицу. От дома, где жила Мария Дмитриевна, Вера, да все равно необидчики, забрались в засаду из ветвей, будто дикий и битый воронья. Из под нее точился рыжий ручеек. У Владислава задрожали губы. Пожалее ощущение было в детстве, когда на своих именниках он разбил большую тонастенную мамину вазу — на ее доньке белыми пурпурными были обозначены даты: 1883 год. Тогда он попал на полу, собирая осколки, плакал, заклинал, чтобы они срослись, и какое-то время верил, что ваза возобновится и будет такой, какая и была, — без единой трещинки.

Сейчас, успокаивая себя, он мысленно повторял:

— Ты найдешь их — Марью Дмитриевну и Веру. Чего ты расклепаешь? С ним-то ничего не случилось... Ты не стои. Ходи, двигайся.

Владислав походил туда-сюда и неожиданно близко увидел Останкинскую тетеву. Видела она Владислава впервые, но не вспомнила, и она открылась вся как есть. Основание ее, мощные опоры, посыпались после дождя, как корни гигантского дерева, из-под которых повыбрькались земля и корни от этого еще крепче держались за нее, сливались в единий бетонный ствол, и он терялся в облаках.

«Амые мои», — подумал Владислав. — Где же вам квартиру дали? Дали где-нибудь...»

О представил, как Веру и Мария Дмитриевна будут тосковать по своему саду, по георгинам, всплакнут не раз, и покажет их так, что у самого запершило в горле.

— Да что со мной сегодня? — удивился солдат.

Пришли два строителя, забрызганные раствором, и стали мыть в ручейке сапоги. Владислава они не видели (он стоял за сломанной яблоней) и говорили громко:

— Ты все деньги жить отдаешь? — спросил один другого.

— Чего я — больной?

— А я все. В любое время, сколько ни попрошу, она мне даст: хоть пять рублей, хоть дешава. Да в радио прошу.

— И премиальные?

— И премиальные. Ну, и вода, один холод, сквозь сапоги жжет. Владислав вышел из-за яблони и сказал:

— Тут колодец раньше был.

Тот, что отдает не все деньги, заметил:

— Ребята говорят: тут трубу прорвало.

А его спросили: проспроси Владислава:

— Ты жив здесь?

Знакомая здесь жила — с некоторой гордостью ответил Владислав. — Сад у нее какой! А колодец здесь точно был.

Он собрался спросить, не скажут ли они, где дают квартиры тем, кто жил здесь, в какой район их переселяют, но не спросил, а только покраснел.

Строители вымыли сапоги до блеска, и тот, что отдает не все деньги, сказал:

— Зараза, течет и течет.

— Чего ты гулагашь? — урезонил его товарищ.

— Разве я ругаюсь? Выбывает, эта вода асю душу вынет, туды ее растудят! Ты ее щебенкой, землей, бетоном, заглушши ее, а она все равно вывернет. И водичка-то малая, вот что обидно.

— Драма!

— А что он встанет?

Строители поговорили и ушли. Ушел и Владислав — поближе посмотреть на Останкинскую башню. Слышал и читал он про нее много, а бывал рядом не приходилось.

Сергей КРАСИКОВ

Александр БОГУЧАРОВ

Тройка! Тройка! Птицею крылатой

Ты летишь за юностью всплед.

Только грави падают в закаты,

И на грави падает рассвет!

Вину я, по дальным попусткам,

По червонным листьям октября

Вдаль летят гвардейская тачана,

На тачана — молодость моя!

Слыши я, как звякают удочки,

Как метели падают по лицу,

Как девочка прыгает с крылечка

На руки к беззумному бонцу.

Тройка! Тройка! Песнею крылатой

Улетай за юностью всплед,

И чтобы грави падали в закаты!

Предчувствие

Не уходи. Мне страшно за тебя.
Впереди страшно и машины летящие,
И взглядов равнодушных,
Леденящих, —
Всего, что нас погубят, не любя.
Прости, но знаю, — в том горечь
дней моих —

Стихи мом сбываются...

И строки
То наполз как угтренний родник,
То воронит всем надежды сроки.

Не уходи. Поток автомашин

Проходит сквозь тебя, трава

Безнадом.

Все погибла. Я понимаю, склонным
Встреконем был до глубины души,

А что душа! Предчувствие беды!
Защита тех, некого нам не оставить,

Достойного бессмертные следы,

Когда тебе моя волею и править.

Бессмертье! Нет, нет, не уходи,

Глазок с тобою разделенный влаги —

И космос, и цветок в моей груди

И некий пепел из позора на бумаге.

Но уходи. А завтра день другой!

Он рождает спутников избавлен.

Он будет добрым промыслом,

прославлен.

Фата взметнется вольтовой дугой.

И свадьба побежит по берегам

Тех юных лет, когда и ты любила...

Сестра! Реактивный, остроумный

Папа! Дядя! Альбинос! Круглым,

Прости лягушки.

И в прошлом светильник ветровый,

Стоял сейчас средь городского шума,

Как некий звезды в засыпанных

горах.

Сказать я не умею — жегут в груди —

Сказать я не знаю. Счастлив я

авперевые!

Не суди меня, не уходи,

Нас ждут с тобою сонсы голубые,

Нас ждет Амур, роняет камни.

Байкал, —

Все, что связало вечным

обручальным.

И плачет мама в своем счастье

тайном,

Что наконец тебя я повстречал.

Не тревожься. Мне ограблено,
Счастье первое позна,

День пронзил легко и ладно

Средь осенних желтых трав.

Легкость верная в движение,
И в прощаде, и в строке,

И ее обломоки вонзеневые

На очищенной реке.

К недоступу бархан нестало

С шальфей нефть наливший.

Не тревожься. Все сначала

Начинаешь ты со мной.

Будь уверена в участке

Леса, поля и дворы.

Нас они помогут в счастье.

Слышишь? Журавли пора.

Отлетают. Улетели.

Так и прошлое мое.

Пахнет гарью и метелью.

Имя светится твоё.

Галина ЗАВТОНОВА

На прикале

Прикал в пути у солнечной опушки,
Солдаты в крепкий сон погружены.
Затихли, захлебнувшись в роще пущи,
Я пыль покой под сенью тишины.
А на пурпурном расцвете ромашки
Глядят на солнце, склонившись до дна.
И потные солдатские рубашки
Ромашки обрамляет белизна.
Зрачок весунулся ряжевато-весел.
И я, любусь трепетни цветком,
Срывая лепесток за лепестком:
«быть или не быть!» — на чаших
равновесье.

По ту сторону

Могучий грудью разрывал ветер.
В туман уходил белым теплоходом.
А утро, в дымно-розовом рассвете,
Бросает якорь у прибрежных вод.
Прощание разъединило руки —
Уезжают мыши на Восток суда.
«И каким свершением», — думает она,
Судьба нас приведет: к любви

...Ударом ветра рассекает ветер

Почтовый реактивный самолет.

С ладони негра девушки берет,

Белые извещение о смерти,

Горят сны. На свод ложатся тени.

Вся обнажа, колышется она.

Письмо жжет руки. Холод плит —

В кольцо сомкнулся мир. Она одна.

Александр ТКАЧЕНКО

Вокзал

И сердце мое никак не пропрется
туда, где в слезах народ,
где поезд вдруг с места сорвается
и губят от сорвотер.

Там давно Король проносящих
всех смертей и смиренных смиренных,
в них взгляди моих отъезжающих
меня не найдут и обидятся.

И может, нам станет стремительно жаль

меня за попытку прорваться

сквозь тех, кто всегда хотел уезжать,

но вынужден был оставаться.

Дождь

Отодвинь этот дождь, словно штору.
Ты приходил сюда с мечтой...

Ты придал все значения

тем слагаемым словам, —

может быть, что-то что изменится.

Свободная плющина!

Ты когда-то любила

человека за то, что ему

не до тебя было.

Ты училась читать

по губам онемевших мук.

Словно сахар с корицей,

он тебе вспомнился —

он тебе обещал дождь,

под который ты подставляла руку.

Никогда, никогда вам тольч-в-точъ

не любить друг друга...

Отодвинь этот дождь, монет, солнце

не отодвянешь...

Все эти годы ты,

не сумевшая остыть целой,

Дождь — это руки беды

на горле женщины зрелой.

увидишь —

Любовь ДАРЫНА

А был закат оранжово-лиловым,
Когда скатился солнца злый круг.
В моей груди тревожно билось слово,
Оно текло, разрывало грудь.
И говорил я слова не те,
Когда одно-единственное слово
К губам моим поднялось в темноте.
А проиграл я его бес.

И будто это чувство испытывал

Оно своею неизвестностью вплывало

В немую ласку слабых женских рук.

Оно дромонет каждый клеткой тела.

Мешало мысли, голову крути.

О трепетом! Как оно хотело

Открыть все то, что чувствует душа...

Мне нравится прохладной ранью,
Когда земля от сна свела.
На чисто вымытом травяне
По звонким рельсам выезжать.
И сердце радоваться снова
Тому, что нет такого дня,
Чтоб на любой из остановок
Хоть кто-нибудь не ждал меня.

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

Правда — это твердая корочка земли,
Над зеленым городом солнца ясный
лик,
В глубь реки упавшая вымota небес,
Над колхозной пашней золотая песня,
Яблока румяные, сочные щеки,
Весточка желанная — вдруг! —

изздлека...

Правда — все хорошее.
Остальное — ложь.

Тебя уносит
экспресс голубой —
гудящий
таинский смерч.
Ты знаешь ли,
что такое любовь —
любовь, что сильнее, чем смерть?..

Не знаешь?..
А ты раслахи глаза,
пусть склизн розовый сон.
А знаешь ли ты,

что такое гроза —
гроза во весь горизонт!!

Не знаешь?..
И знать не хочешь?..

Тогда
сердцу молчать повелев.
Ведь ты еще помнишь, —
что значит тайга —
тайга на краю земли.

Евгений ЛЕБКОВЫЙ
Мой друг-лесник
космат, как леший, —
он густобор и бородат.

средь соснов разомлевших
их разумный брат.

И сопице льется,
как по трубам,
по медистостью
в птичьи рты...
Ни погорючи —
лесолюбом

примахнул друг
в таинский край.
И,
преполнены доверья,
две леса связаны одним,
лесные травы и деревья
беседуют негромко
с ними.

Мы бродим по Орловскому парку,
в Стрельне.
Медленно падают листья
и шелестят под ногами.

С горьковатым привкусом
свежих осеней.

Такой же стояла она и в том,
срок первом,
когда батальон латышских стрелков
здесь держал оборону.

Андрей Мартынович Балодис,
латышский поэт и старый солдат,
найдет следы окопов.

Их нет.
Кругом молодая трава,
которая крови солдатской не знает.

Но мы-то помним, какую ценой
оплачена эта наша прогулка.

...В плен латыш не сдавались.
Это я знаю.

Они погибли, —
Железные люди.

И деревья старого парка,
свидетели поддам из,

словно бы плакут,
роняя листья...

Рисунок Михаила МЫЗНИКОВА

ДЗЕРЖИНЦЫ

Николай ЛАРГИН,
полковник,
политического отдела
дивизии имени
Ф. Э. Дзержинского

В начале их было 11 человек. Через некоторое время их добавили еще 25. Итого: 40; 11 русских, 14 латышей, 7 поляков, 5 венгров, 1 литовец. Они уже назывались Первым автобронеотрядом и имели на вооружении две броневые машины и четыре грузовика фирм «Фрида», «Ортад», которые команда получила от Юрия Конопки, сокращая ВЧК и СНК, выполнил отдельные поручения Я. М. Свердлова и Ф. Э. Дзержинского, но из инициативы он и был создан. При перееезде правительства из Петрограда в Москву бронеотряды обеспечивали безопасность руководителей, сопровождавших государственного Владимира Ильина-Левина. Так начиналась боевая биография соединения, которому впоследствии было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского.

...В первых числах апреля 1918 года

20-е годы. ЭСКАДРОН ДЗЕРЖИНЦЕВ принимает участие в одном из первых парадов на Красной площади

ОДИН ДЕНЬ ЛЕЙТЕНАНТА ОВСЯННИКОВА

Владислав ЯНЕЛИС,
Альберт ЛЕХМУС [фото],
специальные корреспонденты
«Смены»

Лбйтант скосил взгляд на комбайн. Теллинский стоял, широко расставив ноги, и молча курил, следя за секундомером. «Хочет, чтобы я все делал сам... — подумал Овсянников. — падло, пусть будет так». Василий с самодовольной скрабой потирая колени, вспомнил смененные часы — тот всегда дежавал, подтянут, строг, подчас даже демонстративный, подняв руку, — А может быть, так и надо. Майору тридцать два, Василию на десять меньше. У Теллинского из спины академии с отличием, командный опыт у Овсянникова — училище, полтора года службы в армии, один звездочек имени Дзержинского. Но майор не подобрал к нему даже после того, как вышел Указ о награждении Василия орденом Красной Звезды, что в мирное время случается нечасто. Поздравил, попросил рассказать, как все произошло, потому что сразу заметил, что в неподвижной ситуации — вспомнился действующий курс — есть опасность, что комбайн рискован. И это в то время, когда Овсянникову друзья чтили не на руках носки, когда ему был вручен знак ЦК ВЛКСМ «Волинская доблесть». А может быть, Теллинский не хотел, чтобы Овсянников «закричал», как у нас бывает, начнут совать на всякие торжества,

задерет человек нос. Попробуй потом слушку требовать.

И вот они стоят перед взводом — Овсянников смотрит на своих солдат, Теллинский — на супудончик. — Взводу солдаты дадут в километре южнее Седлиса, вот здесь... Майор ткнул пальцем в чистую заметную точку на карте. — Время прибытия на место 15.00. Маршрут следующий... Выполните.

Василий прикинул в уме и решил, что время дно по-боевому, если, конечно, сюда не забегут и не пущут камни-булы. Попросил Козырева, звено лейтенант командует: «Всево плюю через руль... — и ведет взвод к Бронетранспортерам.

Таких, как сегодняшнее занятие, в его короткой военной биографии было у него немало, и все же он немного волнуется, во-первых, за себя: управляет взводом в боевом разве-

димательном дозоре — дело не простое. Здесь над тобой нет ротного, за все отвечаешь ты сам. Очень много зависит от каждого бойца, от его способности к самоотдаче, наблюдению, выдумке.

Шагает лейтенант вдогонку со своим ребятами, не знает, что каждый из его подчиненных за своего командира, то есть за него, Овсянникова, боится. Василий не просто командиром, а их вожаком, хотя всего-то годом или двумя их старше. Был он неважничком, недорослью, и это не помешало ему уходить, как танк к самому умелому из всех, честному и прямому. Таким всегда ворходят во дворах и в классах, а потом в работе или в бою. Кроме того, не у каждого взводного есть орден Красной Звезды. Лейтенант заработал его в опасном деле, оказавшись лицом к лицу с вооруженными преступниками. И

домашним дозором — дело не про-

сто. Здесь над тобой нет ротного, за все отвечаешь ты сам. Очень много зависит от каждого бойца, от его способности к самоотдаче, наблюдению, выдумке, способности видеть опасность, предупредить ее, предотвратить, особенно на открытом месте. Теллинский, кажется, остается доволен.

Ехали быстро, водитель головного БТР сержант Николай Богатырь свое дело знает хорошо. Мощные машины неслись, расплескивая застывшиеся болота и сбивая сухие левые ветви. Чувствовалось, что дорога была старая, давно не езженная. Лейтенант

знают солдаты, что Овсянников дей-ствует неукротимо. Да и ком-

андование на бронетранспортеры погрузи-лись мгновенно. Овсянников спецзасы-палый тренирован на это взвод, зная, что в боевых условиях, промедлив от-деление, можно погибнуть. Следует спаси-тельное противление, перед тем как прекра-пляет, особенно на открытом месте. Теллинский, кажется, остается доволен. Ехали быстро, водитель головного

противника. Когда рассвело, я и сам разглядел в кустах машину с крестом на боку.

Он поднял танк первым же снарядом, а через несколько минут расчет его орудия подбил еще два. Всего в этом бою семидесятичетырех миллиметровка Егорова пристрелила огнем уничтоженных 5 вражеских машин. Из них две были подбиты командиром отряда Борис Егоров, погибший при проявленном мужестве одаренным Красного Знамени.

В те же октябрьские дни совершили подвиги дзержинцы Григорий Прокопенко, Сергей Белоус, Илья Николенко. Под сильным артиллерийским и минометным огнем дважды врага Павел Терентьев, герой войны, был ранен. Продолжая бой, он наехал мешком сбрынья проводов саперов и из последних сил скакал конем прохода зубами. Связь была восстановлена. Имя героя навечно осталось в списках части. Это было начало войны, впереди были месяцы и годы тяжелейших боев, предстояло пережить горечь утраты боевых товарищ, потерять друзей, которых можно было бы труждено дзержинцам никогда не роняли славу своего единения. Наверное, поэтому право и честь бросить к подножию Мавзолея поверженные гитлеровские знамена было предоставлено в числе других и им, воинам-дзержинцам...

...Каждое утро солдатские коки, принарядившись, как никогда, умнеют в ряды дзержинцев, и никто не покинет их строя. Однажды

заявил герцог навечно зачислены в списки части. И среди них большой друг соединения, его почетный солдат — маршал С. М. Буденный. Семен Михайлович был частым гостем дзержинцев, любил разговаривать с воинами, слушать их рассказы о службе и боевой учебе. Он пронес эту дружбу, рожденную в годы гражданской войны, всю свою жизнь.

Когда в соединении приезжал его ветераны, первым делом они отдают дань памяти павшим героям — заставляют в молчании у этих самых всегда отличных заправленных солдатских коков. Такая здесь традиция. В одном строю стоят генералы и офицеры, старшие и рядовые. Перед памятником все солдаты ответственны за то, чтобы дело, за которое они пали, жило и крепло.

50 лет на страже завоеваний Великого Октября стоят воины ордена Ленина и ордена Красного Знамени дивизии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского. Они всегда начеку, всегда готовы выполнить свою служебную задачу, любую задачу, перед советским народом. Свой поисковик обильной личной состав дивизии встречает отличными показателями в боевой и политической подготовке, высоким моральным духом, безграничной верой в торжество ленинских идей, за которые каждый дзержинец готов отдать свою жизнь.

1937-й год. ТАНКЕТКА «Т-27» НА УЧЕБНОМ МАРШЕ.

о «противнике», как руководитель заявляет, больше предчувствия нетрудно. По правилам он не может подсказывать ход действий. В конце концов на месте Осипинникова поступили бы точно так же.

Однако, разворачивающиеся для атаки с трех сторон Осипинников не учел, что с тыла к «противнику» могут подойти резервы. Нарвавшиеся на прочный огневой заслон, взвод вынужден был уйти в укрытие. Лейтенант передал Теленинскому, что наступать не имеет

ЭЛЕМЕНТАМИ САМБО ЗДЕСЬ ДОЛЖЕН ОВЛАДЕТЬ КАЖДЫЙ ВОИН.

В ГОСТЯХ У ВОИННОВ ВETERAN DIVIZII GENERAL-LIEUTENANT K. F. TERELENKOVI.

МОНУМЕНТ ПАВШИМ ГЕРОЯМ-ДЗЕРЖИНЦАМ, УСТАНОВЛЕННЫЙ В ВОЕННОМ ГОРОДКЕ СОЕДИНЕНИЯ.

возможности, и запросил указание о дальнейших действиях взвода. Руководитель ответил:

— Отведите вдоль линии обороны «противника» в направлении Буинова, высота 89,5, продолжите разведку. Порядок следования определяйте сами. Действуйте осторожно.

Последние слова он произнес напоминание, ведь на этом направлении Осипинников ждет сюрприз, о существовании которого лейтенант вряд ли догадывается.

В дозоре по-прежнему первое отделение. Через двести метров два другим БТР Миннова овраг, вузд углубился в лес по единственной дорожке, ведущей к помеченной на карте крестом лесной сторожке.

Вокруг никого не было. Лотоцкий приказал отогнать БТР с большой скоростью, чтобы осмотреть и подождать остальные машины. Это была ошибка. Едва БТР Лотоцкого свернул направо, как из стороны раздались пулеметная очередь и под колеса машины шлепнулась дымовая шашка. В

нас обозначивших «противника». В это время на страже, занятыми удобными позициями, держат поддоны к стволам под обстрелом и в случае необходимости подключаются к атаке. Осипинников не хотел «умничкоть» «противника», предположив, что в домике могли укрыться от смысла четырехпальца. Человек. Ему нужен был «язык», а это четырехпальца, разведгруппа знала это как раз то, что нужно.

С Терентьевым пошудят Будко, Мальцев, Синицы, Дикин, Куриков... — Лейтенант хотел назвать еще Павличкина или Емельянова, но решил, что оба опытные стрелки и большая пользы принесут здесь. Солдаты собрались под густой елью и ждали сигнала. Вокруг дома замаячили солдаты, с полуночью — парад по сабле, также не подведут. Терентьев скомандовал: «За меня! — и скрылся в чащобе.

В течение десяти минут взвод вел прицельный огонь по сторожке, ни давая «противнику» уйти в лес. Этого времени хватило Терентьеву, чтобы сорвать то, что требовалось — проблему «противника». Византию стрельба стихла, и тут же четверо солдат «противника» выскочили из сторожки. Двумя прикладами Терентьев настигнул блокажного к нему, резко ударили в спину из его рук автомата и бросили через себя, «противнику» попало прямо в землю, и никто из солдат «противника» не сумел как следует защищаться. Пятый пытается уйти в лес, но настигнулся на Осипинникова с Лотоцким. Он не успевает поднять автомат, как опрокидывается набок от подсечки лейтенанта.

Поставив два БТР в глубине леса, но так, чтобы в поле их видимости находились сторожка, лейтенант приказал отдельному спасательному взводу занять оборону. Затем он вызвал саперов и изложил им свой план. Следуя ему, Терентьев во главе группы захватил незаметно подполз к сторожке, окружает и ждет, когда с БТР откроют огонь, затем в рукахашки скват-

«М

ы летаем с аистами — так однажды назвал свой рассказ о планеристах неоднократный чемпион СССР и чемпион СССР, мастер спорта Виктор Гончаренко — Старый Греч, как ласково зовут его друзья и ученики. В этом прозвище — уважение к опыту, спортивной мудрости 50-летнего аса безмоторного полета. Гончаренко впервые самостоятельно поднялся в воздух на учебном планере в юные годы пионером, он не расстается с ней и теперь.

«Мы летаем с аистами. Что это! Броское сравнение! Истину нет! Паращие птицы — постоянные спутники планеристов. Вместе они подают круиз под облаками, набирая спиральами высоту. Как это прекрасно — чувствовать себя птицей!

ИКАРЫ XX ВЕКА

Людей всегда манила возможность летать побожно птице. Всегда, мечте этой столь же скопично и человеческой. Понимите миф о Дедале и Икаре! Только не довелось Икару опуститься на землю. Забытое наставление отца, увлекшись полетом, юноша поднялся слишком высоко. Палиющие лучи солнца расстилали воск. Икар рухнул и разбился о скалы.

Многие смельчаки, не в легендах, а наяву мастерили крылья и подражая птицам, пытались подняться в небо. Нередко эти попытки кончались трагически. Планеристы — это единственные люди на крыльях, живущие именно планеристы.

Наш знаменитый соотечественник, морской офицер А. Ф. Можайский, наблюдав парение птиц, пришел к мысли о постройке огромного змея-планера. В 1876 году он дважды поднимался на нем в воздух и, по словам современника, инженера Боголюбовского, «летел с комфортом». Успешные опыты со змеем — прототипами планера позавидели Можайскому в России и братьям Гант в Америке, осуществлять удачные полеты на самолете. Но увлечение планеризмом не угасло, а ширится.

К началу первой мировой войны в России действовало несколько любительских кружков, занимавшихся постройкой планеров и полетами на них. Строки недельных, месячных: летали секунды, набивали себе синяки в шинши, строили и снова летали.

В 1923 году центр безмоторной авиации при Обществе друзей воздушного флота (ОДВФ) организован в Крыму близ Феодосии! Весенние планерные испытания, впоследствии перемещенные во Всесоюзные слеты планеристов, Почечку му «испытания»!

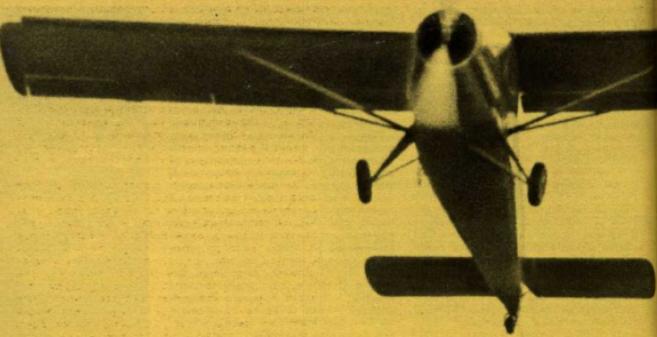
ГОРА, ОВЕННИЯ ЛЕГЕНДАМИ

Летательные аппараты, создававшиеся тогда группами любителей, были далеки от совершенства, да и строили их из подручных материалов. Естественно, перед полетами они нуждались в аэросторонней проверке. Испытания на горе Конкобель (теперь Планерное). Гору открыли для парашютистов Константин Арцеулов. Под влиянием своего друга, знаменитого художника-мариниста И. К. Айвазовского он начал интересоваться в Петербурге художественному мастерству, а оттуда вернулся с дипломом... пилот-авиатора.

Его направили в Качинскую школу летчиков командовать истребительным отделением. Здесь Константин Константинович совершил свой отважный полет, перед которого зарубежная пресса назвала его «королем штопора». Эта известная фигура стала любимой мальчишеской фантазией, считалась гибельной для летчиков. Самолеты иногда садились на землю, но выскакивали из него. Арцеулов не только разработал методику высадки самолета из штопора, но и доказал ее жизненность на практике.

Работая в школе, Константин Константинович мечтал о безмоторных полетах. Он хорошо знал окрестности Феодосии, и невысокая, плоская, как стоя, гора близ Конкобеля, напомнившая гигантскую многогонгометровую плотину, вставшую на пути к морю, привлекла его. Над горой, под ногами воздуха, отгибаясь другой склон снизу захвач, часто парник орлы. Что, если здесь взлететь на планере?

Первый полет продолжительностью в 49 секунд выполнил Леонид Юргенштейр, а спустя немногим более полумесяца он же установил мировой ре-

Анатолий КОВАЛЬ, мастер спорта

ПАРУСЫ

корд продолжительности парения — 1 час 2 минуты. Успешный слет на горе Сыртка (теперь гора Плакалка), организованный олимпийским гребцом [ныне планеристом] позволил Обществу друзей воздушного флота продолжить успешную пропаганду планеризма — лучшего средства подготовки летных и конструкторских кадров для молодой Советской республики.

Руководитель и участник неисчислимых слетов, создатель всемирно известных «Илов» Сергей Владимирович Ильинский позже скончает:

— Планеризм — это люлька, в которой непременно должен начаться будущий авиаконструктор.

Действительно, в «планерной люльке» начались авиаконструкторы А. С. Яковлев и О. К. Антонов, космический конструктор академик С. П. Королев и его соратники по ГИРДу М. К. Тихонравов, Планеров не миновали и юный А. Н. Туполов.

Выдающийся мастер безмоторного полета Сергей Николаевич Анохин — человек, испытавший в воздухе, вероятно, все, что только может летать, отвечая спонсорам, утверждавшим, будто в век планеризма утратило свое значение, скажет недавно:

— Планер «старшая» самолета, но разве мы отказалось от парусного спорта только потому, что появились парашюты!

Но вернемся к 20—30-м годам. IX съезд Ленинского комсомола принимает решение о шествии ВЛКСМ над Воздушным Флотом. Тысячи молодых людей пополнили ряды аэроклубов. Особой доступностью к популярности пользовался планерный спорт. К началу 1935 года в стране насчитывалось 220 планерных станций, 10 школ, 1600 [!] кружков, в которых обучалось около 17 тысяч планеристов.

Начался серийный выпуск машин Б. Н. Шерemetева, О. К. Антонова, В. К. Грибовского, Г. Ф. Грошева. На этих планерах наши парашютисты крушили мировые рекорды. К началу Великой Отечественной войны мы принадлежали к 13 из 18 высших мировых достижений.

ИСКУСТВО БЕЗМОТОРНОГО ПОЛЕТА

Кто не мечтается на проворных синих с горы! Правда, приятное ощущение! Планер на своих крыльях тоже синий с когтями вниз по очень пологой траектории, в споре ему — воздух, на скорость около 100 километров в час такой же упругий и плотный, как вода. Но надо достичь

планер на «гору». Раньше это делали с помощью гигантской «рогатки» — разинутого амортизатора. Потом стали бускировать планеры за автомобилими, и так засыпало. Позже автомобили с места не двигались. Их изменили скользящим движением: на барабан-катушку быстро наматывалась веревка из тросов — примерно километровой длины. Они сообщали планеру, пропелленному за другой конец, необходимую для взлета скорость. Затем освободили бускрую на безмоторной машине за самолетом. На один из воздушных праздников двухмоторный бомбардировщик имел за своим хвостом веер из одиннадцати планеров. Эти способы запуска придумали сами пилоты.

Поднялся на высоту, планер вскоре должен оказаться на земле, но здесь встает в своюправу искусство парашютного полета — способность пилота держаться в воздухе, и не просто держаться, а периодически набирать высоту и таким образом пролетать большие расстояния. Пилот безмоторной машины должен безшибочно находить восходящие потоки воздуха, иначе посадка неконтролируема. Верткальные струи рождаются у земли, поднимают пыль, песок, камни, обломки стекла с ее поверхности. Где-то «живут» восходящий ветер, по соседству воздух проваливается вниз. Вспомните кипящую воду. Вот так и атмосфера «бурлит», с той лишь разницей, что циркуляции в ней распространяются по вертикали на сотни и тысячи метров. Обычно, пролетая вверх, самолет поочередно испытывает броски вверх и вниз, иногда на десятки метров. Броски подвержены неизвестности, потому что самолет не знает, откуда встает с него энергия воздушных потоков.

Пилотерист с помощью опыта и чужих приборов отыскивает восходящие потоки и избегает нисходящих. Невидимый воздушный кифт, словно пушинка, возносит безмоторную машину весом около полутона на многокилометровую высоту.

Нередко вершину восходящего потока венчают «шапочки» — кучевые облака. В облаках скорость вертикального подъема значительно возрастает и может достигать 200—250 метров в секунду! Переходит от одного потока к другому, пилотерист вновь пролетает высоту, которую потом, кружася спирально, в очаровании кифта снова восстанавливае ее и продолжает полет. Уменье предвидеть место действия и силу потоков, способность напищущими образом использовать их составляют основу тактики парашютиста. Парашют без мотора наименее сложной ликвидации самолета. Естественный вопрос: почему?

Пилот самолета может заранее довольно точно рассчитать место лета, и в этом плане выделяются различные разновидности парашютистов. В распоряжении парашютистов — только «птички» — чайка, а весь полет от взлета до посадки —творчество, кипровязка. Тот, кто управляет безмоторной машиной, должен совмещать обязанности пилота, штурмана, радиостатиста, метеоролога [не случайно многие лучшие парашютисты мира — профессиональные метеорологи]. Парашютист всегда решает задачи со множеством независимых и, подобно яичтмену, выходит один из один с грозной ассоциацией стихии. Это не просто, но и сколь не увлекательно, взлётно, какое!

Пилотерист далеко не всегда садится на благородные аэродромы. Перед выбором места приземления пилот должен с высоты определить размеры поля, состояние грунта, высоту и характер растительности, уклон площадки, направление и силу ветра, препятствия [например, провода] перед площадкой.

В считанные мгновения сложная программа из

многих, часто противоречивых требований «прокручивается» в сознании пилотериста: нужно принять единственно правильное решение. Спортсмен не расплывается мотором и исправляет грубо ошибку уже не сможет. Но аварии на планерах чрезвычайно редки.

БОЛЬШИЕ КРЫЛЬЯ

На заре безмоторных полетов спортсмены умели использовать только энергию поднимающегося вдоль склона ветра. Продолжительность беспосадочного парения определялась временем, в течение которого дул ветер, и выносливостью пилота. Но ветер не всегда оставался, и тогда пилотеристу приходилось бушевать на обратном склоне, где нацеплял на ноги крылья. Трудно представить, что такое в конном полете.

В 1932 году Сергея Анохина из техники парни на учебном планере под псевдонимом 32. Троицами годами позже И. Сухолин на одностоночном и В. Лисицын с пассажиром на двухместном планере продерзлись в воздухе соответственно 37 часов 20 минут и 38 часов 40 минут. С парашютом установлен рекорд планеров: 4 часа 45 минут. Планеры могут «вырываться» в воздухе. В 1930 году В. Степанченко впервые в мире вымылся на планере «Красная звезда», с той лишь разницей, что циркуляции в ней распространяются по вертикали на сотни и тысячи метров. Обычно, пролетая вверх, самолет поочередно испытывает броски вверх и вниз, иногда на десятки метров. Броски подвержены неизвестности, потому что самолет не знает, откуда встает с него энергия воздушных потоков.

«Около двух десятитысяч пилотеристов были в разных странах мира, и все они обтекают в парящих полетах открытыми восходящими потоками, обнаруженными над равнинами. С их природой мы узаконимся».

Имена советских рекордсменов стали прозвищами на многих языках мира. Только за один месяц 1937 года Виктор Растрогорев тринадцать раз обновлял рекорд мира, пролетев 539, 602 и 625 километров. Токарь из Тулы, двадцатидвухлетний Олег Королев, в мае 1938 года на планере конструкции О. К. Антонова пролетел 750 километров. Лишь через 12 лет ее достичь сумели улучшили мужчины, а женщины не превзошли до сих пор.

В гроздные годы войны тысячи пилотеристов пересели в кабины боевых самолетов, участвовали в беспилотных на храбрости десантных операций. Такие годы в Борисоглебске грузовиками плавали Олег Королев и Михаил Смирнов. В 1942 году на планере конструкции О. К. Антонова пролетел 500 километров. Лишь через 12 лет ее достичь сумели улучшили мужчины, а женщины не превзошли до сих пор.

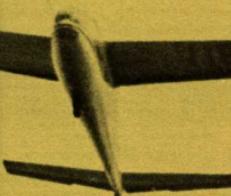
После войны над многими городами и поселками вновь закружили свои изувеченные хоровод спортивные планеры, в наши мастерства безмоторного полета не раз обновлялись рекорды мира с парашютом и дальше.

В 1947 году гонки московских планеристов в свободном полете достигла берегов Азовского моря. Юрий Кузнецов с пассажиром на борту на двухместном планере пролетел по прямой 922 километра, установив мировой рекорд. В том же году Изабелле Горюховой и Татьяне Павловой на таких же планерах с пассажирами покорились расстояние в 865 километров. Горюхова превысила не только рекорд, но и мировой рекорд по дальности полета.

Годом позже пятерка «бронзовых» спортсменов, среди которых был и автор, стартовала с целью установления рекордов достижений скорости на 516-километровом замкнутом треугольном маршруте. Все участники паровозами установили рекорды серии, каждый в своем классе. Инструктор Центрального планерного клуба Тамара Загвязина стала обладательницей рекорда скоростного парашютизма. Обработав винтажные данные из спидометра, она пролетела без мотора более 500 километров, а стремиться сделать это возможно быстрее.

Есть ли предел роста достижений в планеризме? Ему никто не решается назвать. Еще несколко лет назад 1 000-километровый рубеж дальности был пределом мечтаний планеристов. Но уже сегодня рекорд мира, установленный пилотом из Франции Гроссе, равен 1 400 километрам. На другом континенте в Аргентине П. Бальдасарри пролетел 1 144 тысяч метров. Стратосферный «Фантист»! Но и это не предел. В горных условиях при наличии так называемых волновых потоков возможно подняться на высоту, примерно в 10—12 раз превышающую высоту хребта. На земле гор в 4 000 метров и выше предстоит преодолеть. Помимо 4 000 на 10 и получите 40-километровую высоту. Для ее получения потребуется строительство планеров, не возвращающихся в помехами попутный ветер, планеристы летают со средней скоростью 130—150 километров в час. Когда-то Валерий Павлович Чикалов

Фото Олега СЕРГЕЕВА

Рождение близнецов вызывает интерес всегда и всюду. В такой же малонаселенной стране, как Монголия, оно явилось радостное событие. И вот из Средне-Гобийского аймака (округ Гурванзанх) пришла весть: 29-летняя пропавшая Сандууйжан родила тройню.

Энхийхан Европейской и Американской (тогда еще новорожденных) вскоре после того, как увидели свет, совершили большое путешествие в особые детские ясли в Улан-Батор. Несколько лет назад правительство МНР предоставило материам близнецов возможность помешать таким детям в особые ясли, где те растут до трех лет.

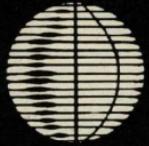
На одной из центральных площадок Улан-Батора стоит здание с простыми белыми балконами, украшенными коваными решетками. Это сорок третий ясли столицы Монголии, ясли для близнецов. Сейчас в яслях подрастает 50 двойняшек и 36 тройняшек. Особо рекордным на близнецов было 1971 год — в яслях появилось пять тройняшек.

Сандууйжан может быть спокойна за своих детей: врачи, сестры, няни, прачки позаботятся о них наилучшим образом. Но вот ребятишки, испытавшие три раза счастья, привыкают к жизни в яслях, в яслих около дома. Но различные организации по-прежнему выделяют средства на помощь юным гражданам республики.

«ЗАЛУ УЕ», МИР.

- 1. САМЫМ ЮНЫМ ГРАЖДАНАМ**
- 2. НОВОЕ ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ**
- 3. СКОРОСТЬ БЕРЕТ ВЕРХ НАД РОСКОШЬЮ**
- 4. УЛИЧНЫЕ ЧАСЫ В КАЧЕСТВЕ КОПИЛКИ**
- 5. МАТТЕРГОРН СТАНОВИТСЯ СВАЛКОЙ МУСОРА**
- 6. РИСУНКИ НА АСФАЛЬТЕ**
- 7. «ЧЕЛОВЕК БЕЗ КНИГИ СЛЕП»**
- 8. МЯТЕЖНЫЙ СУДЬЯ**
- 9. ДРЕВНИЙ ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД**
- 10. БИТВА ЗА ХЛЕБ**
- 11. МУЗЕЙ ПЧЕЛОВОДСТВА**

I.

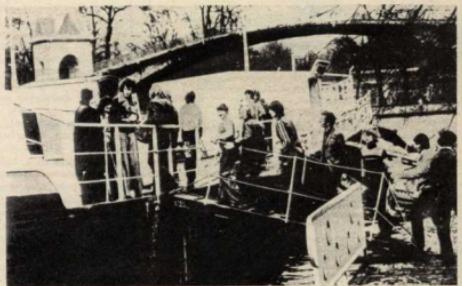

ЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ности и для осуществления планов, связанных с празднованием двадцатипятилетия ГДР. Пожалуй, самое значительное место занимают молодежные, занимавшиеся организацией молодежи, занимающейся обездоленностью. Например, на заводе Берлин-Хеми были образованы две молодежные бригады и строятся пять молодежных объектов. Члены ССНМ на берлинском заводе Глаасверк Штрапале обязались отработать каждый месяц на один склон больше.

Молодежь ГДР готовится к празднованию 25-летия создания своего государства.

«ЖИВОТ», ЧССР.

2.

В конце января народная палата ГДР утвердила новый закон о молодежи. В двадцатипятилетней истории ГДР это уже третий этап реформации проблем молодых людей. Центральный комитет Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ) предложил в июне прошлого года на обсуждение общественности проект нового закона, разработанного молодыми людьми. По его поводу высказали свое мнение более 5,4 миллиона граждан, был внесен ряд интересных предложений, и многие из них учтены в новом законе.

Созданный молодежный закон обязывает органы народной власти возложить ответственность за развитие культурной жизни молодых людей на них самих.

С живым примером выполнения этого параграфа можно встретиться в идиллическом уголке столицы ГДР на берегу небольшого островка на реке Шпрее — в Трептове. Здесь стоит на якоре отремонтированное и переоборудованное грузовое судно — Клуб молодых на острове. Старый ветеран в октябре 1972 года был передан в ведение Государственного клуба молодежи.

Программа молодежных акций действительно богата и разнообразна. Согласно плану, должно быть основано 50 развлекательных фонотек, 25 школьных воспитательных фонотек, проведены певческие конкурсы, демонстрации фильмов и диапозитивов, театральные вечера.

Молодежь ГДР с одобрением встретила новый закон, который предоставляет большие возмож-

ности для осуществления планов, связанных с празднованием двадцатипятилетия ГДР. Пожалуй, самое значительное место занимают молодежные, занимающиеся обездоленностью. Например, на заводе Берлин-Хеми были образованы две молодежные бригады и строятся пять молодежных объектов. Члены ССНМ на берлинском заводе Глаасверк Штрапале обязались отработать каждый месяц на один склон больше.

Молодежь ГДР готовится к празднованию 25-летия создания своего государства.

3.

С того памятного дня, когда четырнадцать лет назад мадам де Гольз разбила бутылку шампанского о борт этого судна, «Франция» водонизмещением в 66 тысяч тонн по праву считалась привлекательнейшей «грацией дамой» морей.

Этот роскошный лайнер, не имеющий по ходу себе равных, плавающий в 200 морях, которые могли наслаждаться путешествием в великолепных, отглаженных мрамором салонах. Ресторан первого класса, где, между прочим, посетителям подавали громаднейшие порции икры, считался лучшим «французским рестораном в мире».

Скорость, однако, оказалась более выгодным товаром, чем роскошь.

Выяснилось, что судну не по силам отдать достаточное число пассажиров от реактивной пассажирской авиации, и потому в прошлом году эта красавица морей приспела убыток в 24 миллиона долларов, причем в 1974 году могла принести еще больше хлопот вследствие повышения цен на топливо.

Поэтому, как ни велико желание французов сохранить первенство, было объявлено, что правительство не может игнорировать насущные экономические проблемы дня.

Судно, очевидно, будет отдано в аренду. Одни из возможных покупателей — Арабские страны, которая использует судно для перевозки паломников в Мекку. Это будет более почетная судьба, чем та, что постигла другие гиганты — «Соединенные Штаты», которые теперь поставлены на консервацию, и «Королеву Елизавету», разрушенную огнем и превращенную в плавучий университет в Гонконге.

«ТАИМ», США.

4.

На Замковой площади в Барселоне еще недавно находились эти часы-копилка. В колпаках польской столицы собирали деньги, предназначенные для постройки королевского дворца, который был разрушен во время фашистской оккупации. Недавно рядом с часами-копилкой были установлены в башне часы-копилка. В ней находилось 700 многораммовых monet и огромная масса бумажных денег.

«НОНЕ БЕРЛИНЕР ИЛЛЮСТРИТЕРН», ЧССР.

5.

Жители Швейцарии спрашивали гордятся Маттергорном — said, по их мнению, прекрасной горой земной шара. Тысячи туристов стремятся увидеть это величественное создание природы и подняться на высоту 4 477 метров.

Облик Маттергорна необычен — один из склонов горы как бы оторван и висит в воздухе, спускается в долину почти вертикально. Другой же склон довольно отлогий, что значительно облегчает восхождение: лишь последние 470 метров представляют опасность — особенно для неопытного альпиниста. Неопытных же бывает предостаточно. Раздумывая предполагая последний опасный этап, альпинисты обязательно заглядывают перед собой в дарочную книгу, в которой читаются спускаться, оставив позади себя кучу бутылок, консервных банок, оберточной бумаги и другого мусора. Постепенно эта прекраснейшая гора становится похожей на гигантскую свалку — ведь альпинисты ищут один из дружи!

Горы следят защищать от вторжения такого количества туристов, считающих шахту винтовкой единственным охране природы. В будущем восхождение на Маттергорн будет разрешено только людям, прошедшим альпинистскую подготовку, и только в сопровождении проводника.

«ШВАЙЦАР ИЛЛЮСТРИТЕРН», ШВЕЙЦАРИЯ.

6.

В Италии немало странствующих художников, рисующих картины на тротуаре или на асфальте и

живущих на подаяния случайных прохожих, вынужденных которых им удалось привлечь. Жизнь их отнюдь не легка, власти их часто предупреждают.

В начале минувшей осени был организован первый съезд «художников на асфальте». По существу, инициатива носила туристический характер. Мэр Мантии усыпал песни Нани Эвама «Баллады художников» [это история страны, написанная художником, брошенного в тюрьму, который и отмечуя нарисовал на стенах своей камеры Христа в позицкой униформе] и решил собрать странствующих художников, находясь с их помощью привлечь больше туристов.

Победителем конкурса стал Франческо Пиншандо. За семь часов он написал на асфальте концептуальную картину «Трех разнородных триад» на два метра.

Туристы были довольны, радовались к художникам, «блаженной мере», — говорили они, — мы хотим бы один раз работали спокойней и нами восхищались.

«ПАНОРАМА», ИТАЛИЯ

7.

Арсения исландская посыпка гласит: «Человек без книги слеп». Она действительна, как видно, в Исландии и по сей день. Подтверждают это такие цифры: в столице Исландии Рейкьявике, населения которого не достигает и ста тысяч, 20 солидных книжных магазинов и одна библиотека.

Обербургомист Рейкьявика Исаэльборур Гуннарссон утверждает, что только пять крупных библиотек стоят в школах и три комнаты-читальни при школах насчитывают 29 тысячи постоянных читателей (вспомните о населении Рейкьявика!). Книжные магазины разбросаны по городу в 150 точек, выдавая в аренду в 22 пунктах «Читательскую карточку» (стоит она чисто символическую сумму) позволяют получать книгу в любой стационарной или передвижной библиотеке.

В Исландии велик тираж не только выпускаемых книг, но и пяти ежедневных газет (для 200 тысяч исландцев). Согласно статистике, только в СССР издается больше газет, чем других нации, чем в Исландии. Издательства страны выпускают книги четыре-пять раз больше (на душу населения), чем любая из скандинавских стран, и в 20 раз больше, чем США. В двух союзах писате-

лей страны 160 человек. Среди писателей — крестьяне, ремесленники, рабочие.

«БИЛЛЕД-БЛАДЕТ», ДАННЯ

8.

У ургевайского военного режима произошло столкновение с судебной властью, точнее, с неким высшим должностным лицом, которое твердо придерживалось букв и духа закона, несмотря на насилие и угрозы. Конфликт начался, вызван следующими причинами:

Доктор Герасимо Галого Мартинес пришел к судебной ответственности четырех позицких, виновных в том, что они применили пытки по отношению к группе арестованных патриотов, противников режима, военно-полицейским. Во время этого суда, судья сидел на позиции, доктор Мартинес принял решение освободить арестованных позиций патриотов. Нужно отдать должное судье. Осужденым пыткам, ставшим обычным явлением при президенте Хуане Мария Боррельо, стремились отградить позиции патриотов в позицких мундирах, стоящих в привилегированных сословиях в Ургеве, — все это противоречило порядкам, господствующим при нынешнем военном режиме.

Над головами судьи собирались тучи. В его адрес посыпалась погода, и он, сидя за телефоном, звонил с ургевской телефонной станции о беспомощности в деле. В дело вмешалось ургевайское правительство. В частности, министр внутренних дел Нестор Болентини предложил включить в кодификацию действий подсудимых позицких по отношению к арестованным не как «пытки», а как «злоупотребление полномочиями». Поговаривают о том, что старый доктор Мартинес не знал об этом. Но в Ургеве, ставшем в наши дни позицким государством.

«БОЭМИА», КУБА.

9.

В трехстах километрах юго-западнее Амакры, «близи села Кальмаки, археологи обнаружили необычный подземный город, существовавший в VII веке нашей эры. Город насчитывал тысячи жителей. Подземные строения состояли из семи этажей. Самое большое удивление вызывает система для «воздуха» и «воды», которая поддерживала здесь и зимой и летом температуру плюс двадцать семь градусов. Это достигалось благодаря вертикальным шахтам и лабиринту коридоров, по которым проходил воздух.

Дома, в которых в подземном городе все было современным, точки земли представляются достоверного благоустроенным. Каждое здание имело «гастроцию», «спальню» и кладовую для хранения продуктов. Имелась и «ванна» — котловобразное углубление в камне.

Входы в жилище закрывались большими камнями. Подземные источники скажали людям питевой водой.

«ХОББИ», ФРГ.

10.

Филомена Форти, швей с улицы Данте в Неаполе, обищла четыре хлебных магазина, но не нашла. Хлеб был только на черном рынке и продавался по повышенным ценам.

Тогда швей заложила в ломбард свою сестру. Только теперь она смогла купить хлеб. «Это был самый дорогой хлеб в моей жизни», — заявила она.

Многие дни миланские итальянцы приходилось покупать основной продукт питания по исключительно высоким ценам: цена килограмма хлеба подскочила с 200 до 1 300 лир.

В борьбе с инфляцией Неаполи хлеб и макароны заменили недоступное дорогое мясо. Эти кварталы с населением 300 тысяч человек — крупнейший в Европе район пролетарских масс.

С возгласами «Требуем хлеба!» около 100 неаполitanов блокировали главную улицу квартала «Катания». Тысячи детей сидели на ташни автомобильных шин, на стоящие машины, корзины и подкладывали их. Поднялись и легковые автомобили. «Власти не могут преобрести эти протесты, — кричали демонстранты, — святой боже помоги нам!»

Подспасенная полиция была встречена градом камней. Только, когда правительство отправило гравийную бомбу на Ивановский народный гипноз.

Недостаток хлеба объясняется экономической нестабильностью, порождающей всякого рода спекуляции. Многие производители пищевиков ожидают, что цены будут продолжать повышаться и придерживаться зерна в надежде на дальнейшее подорожание в будущей цене. Но этой же причине горожане хлебными изделиями и мукой не торопились снабжать рынок. Мука начала исчезать и становилась все дороже. Ее не стало у пекарей Ровиго, Катании, Пескаре и Палермо. Сотни из них, потерявшие обильную почту из-за простоты. Неаполitanские забастовщики провели сидячую стачку на улице «Санта Тереза».

«Дело не только в хлебе, —

пишет публикант Нико Лангбард, — быть выражает отчаяние брошенного на произвол судьбы города».

«ОРСАГ ВИЛАГ», ВИР.

II.

Величественная фигура священника появляется над высокой травой. А за деревьями можно увидеть крестьянину, огромного медведя и нечто похожее на часовню с колоннами. Это, однако, не остатки какого-то странного религиозного сооружения... а... улицы.

Они входят в комплекс, где некоторые имеют возраст более шестидесяти лет.

Самый старый уличный колокол имеет форму большого, поставленного на вертикально пня, изготовлен он XII веке и дает убийце четырех раз. Позднее обновленные улицы начали превращаться в замысловатые произведения искусства. Страшные лица должны были устрашать возможных похитителей меда.

Перед второй мировой войнойпольский писатель Станислав Киркевич решил создать для пчел специальный пасеки. Так родился пасекоповеский музей, который привлекает тысячи любителей со всего мира.

Под руководством известного специалиста по пчеловодству Ришарда Коштеского музея расширяется. Студенты любители-пчеловоды пишут краткие письма, которые дают им право на посещение музея. Кстати, среди них можно найти церковь, здание оперы и городской ратуши.

Музей находится вблизи Сважедза. Это городок искусственных деревообделочныхников, их здесь более пяти тысяч. Здания выпускаются большей частью деревянными. В свободное время мастера почтогают реставрировать старинные улицы. Сважедз отличается от всех музеев мира одной важной чертой: отпадает необходимость вешать таблички, предупреждающие посетителей о том, что трогать экспонаты запрещается.

«ПАРАЛЕЛЫ», НРБ.

РИТМЫ АЛАНОВ

Мирослав МУРАЗОВ. Фото автора

Есть два события, которые определили «аланский» танец и новейшую историю осетинского народа: двести лет назад Осетия вошла в состав России, а полвека назад была создана Северо-Осетинская автономная область, преобразованная позже в Северо-Осетинскую Автономную Социалистическую Республику. Рассказываем о судьбе народного танца «Алан», который предстоит читателям яркое и самобытное искусство Северной Осетии.

Они выходят на сцену медленно, медленно, отрывистой дроби дулы. Женщины плывут над крашенными досками сцены, чуть касаясь их краями платьев. Мужчины, встав на носки, вскинули руки к плечам — не сводят глаз с женщин. И этот неспешный хоровод распадается, становясь парой из темно-серого, и потом тянут по сцене, а звуки дулы становятся резче и громче, быстро-быстро бегают пальцы музыкантов по пнатнотной корке ее... Так когда-то танцевали аланы — предки осетин.

Так сегодня танцуют артисты «Алан» — Государственного ансамбля народного танца Северной Осетии, которых руководят Эдуард Кабоева и заслуженный артист Карельской АССР Илья Гафт.

Имя «Алан» — часто повторяется у осетин. Мы называем первенца в семье, чтобы вместе с именем передалось ему мужество аланов, честность аланс, стойкость аланов...

«Алан» — первенец коллектива алапинских народников Северной Осетии. Они еще молоды: год рождения — тридцать восемь. В минувшем году в «Алан» пришло из самодеятельности много талантливой молодежи,

которая и составила сегодня костяк ансамбля.

Пожалуй, ни в одном виде искусства не проявил себя осетины так полно, как втанце. Каждый танец их — маленькая новелла: о любви, о битве, об отдыхе, о труде. Или иначе: о невзгоды, о храбрости, о неистощимой остроумии горцев. Но все эти вечные сюжеты в каждую новую эпоху обретают новые смыслы.

Почти год готовили «Алан» новую программу, премьера которой состоялась прошлым летом в Ленинграде на сцене академического Малого оперного театра.

Мы привыкли к тому, что кавказ-

скне танцы — это прежде всего темп-перамент, задор, высокий темп. И вдруг на сцене — медленный «снайд», лирический «Хонг кафти...»

Медленно движется горянка, нет, не идет — волнистыми полами, дине плавно сопьется. [Говорят в старину, когда девочек учили танцевать, им накрепко перевязывали колени, а на голову ставили сосуд с водой — чтобы поступу их была плавной, а осанка — горделивой.] Мужчина идет на пальцах, ловит взгляд девушки — тщетно: она лишь раз посмотрит ему в глаза — украдкой. Именно за этот момент и остановился Альбино Базов и заслуженный артист Северной Осетии Алибек Хаснаев. Были удостоены званий лауреатов IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии.

В каждой республике на Кавказе есть свои танцевальные ансамбли — профессиональные и самодеятельные. У каждого из них свое лицо, свое измерение. Но есть одно общее — неизменное: неистребимое желание показать в танце все, что способен. Может быть, поэтому солнечные танцы грузин чем-то похожи на солнечные танцы армян, осетин, кабардинцев, аварцев... «Чабаны на отдыхе». Здесь все солисты. Все могут все: пройти на носках, на коленях, на руках, колесом — как захочется, как получится! А получается здорово, потому что великолепное тело — это мастерство участников ансамбля однотипно из темперамента, природны артистизм, ясной художественной мысли.

Я смотрю на этот неизменный, вечный танец и думаю: вот так жеглядывались в эти два чистых потока людьми сто, двести лет назад.

Я останавливаю на фотографии мгновение танца, и мне хочется фиксировать и танцовщиков, и звонковые вздохи, которые сказывают зал артистам, и которые я все-таки не в состоянии зафиксировать...

А это значит, что на фото мне все же не удается во всей полноте передать сам образ танца. Ибо этот образ создается еще и звонкимением зрителей, блеском их глаз...

Какое поколение, поколение в древнем коридоре — отступу с трех частей, — самые детали рисунка, там смысла делает танец бессмертным. А потом, заглядывая в это продуманное и прочувствованное движение, мы сердцем ощущаем то, что принято называть связью с историей.

Потому что из разных времен с воинством и любовью мы смотрим и смотрим на этот танец...

МЕНЯЕТ КОЖУ

ского государство, воспользовавшись любыми более или менее благоприятными обстоятельствами.

На перемену методов борьбы антикоммунистических сил образца внимания Генеральный секретарь ЦК КПСС И. Б. Браудбенк в своем выступлении в межпартийном Совете коммунистических и рабочих партий в Москве 7 июня 1968 года «Ставка на разложение коммунистического и всего революционного движения внутри страны составляет теперь одно из важнейших направлений классовой стратегии империализма», — подчеркнул он.

Нужно отдать должное профессиональным пропагандистам империалистической системы, тем, кто отдал себя в услужение классу эксплуататоров. Они не пасмурели устами и средств для того, чтобы «закончить перестройку» в соответствии с новыми условиями.

Перед лицом всей мировой общественности они пошли даже на то, чтобы публично от又好яться сажи за «шибки» и «промахи» в прошлом. В конце шестидесятых годов вокруг финансирования квасетических радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода» поднялся вал протестов — было обнаружено, что все расходы оплачивало ЦРУ США. Правительство даже создало специальную комиссию для расследования этого обвинения. И комиссия была вынуждена признать, что реальная утечка этих радиостанций в пушки, что они допускали «отдельные отклонения от основных руководящих принципов».

Свет новые требования потребителя информации теперь тщательно дифференцируются, аудитория изучается всеми доступными способами.

К молодому советскому рабочему, к студенту, к учащемуся «Голос Америки» и других радиостанций обращаются по-разному.

Они же обращаются к различным слоям «своего народа», — дескать, привет, Кола из Рэя,

я, как ты, люблю ансамбли «Родина» спутник, только вот моя подруга не согласна, так что я воспользуюсь тем, что ты можешь рассудить нас. Помимо этого, каким простой прием: слушателям, не очень искушенным в приемах вражеской пропаганды, и впрямь покажется, что у какого-то Колы из Рэя появился новый друг в Вашингтоне, да еще такой известный, что первому встречному повесить сосиску с сыром и хлебом для Эддика рубаха.

Да еще деформированная история, когда пишутся коварные пропаганда зата.

Каждое письмо слушателя, особенно из Советского Союза, — хлеб для многих представителей специальных разведывательных служб, которых интересует все:

адрес, возраст слушателя, его вкусы, любые сведения о друзьях, врагах, временипровождении и т. д.

Даже простая открытка с одним адресом, будь только она направлена в адрес радиостанции, привлечет к себе внимание. И это потому, что кто-то вступил в контакт, что это антидемократическая СМИ.

Они сделают выводы по поводу возможной связности радиопередач на данной волне в том или другом районе, попытаются статистически проанализировать текст писем из одного района и сделать выводы... Да мало ли что из занятости, специалистов по грызным делам, которые делают свое дело под вывеской объективных информаторов и даже «рабов правды». Действительно, они почти не комментируют отдельного факта, и вроде бы ограничиваются тем, что соглашаются с ним. Даже жаль порой бедных становится, — как они выражаются своей темперамент, стараясь оставаться на почве «фактов, фактов, фактов»...

Только не спешите их жалеть. Вот выдержки из инструкции, которой должны следовать, например, работники «Свободной Европы»:

Парagraf 22. «Никогда не упоминайте о фактах, которые могут явиться ущерб вашему делу. Приведите обе стороны общего дела, это же вопрос... Параграф 26. Всегда стремитесь создать впечатление, что вы всесведущи, что вы действительно были на том месте, о котором вы рассказывали...»

Параграф 48. Распространяйте слухи и сомнения, но никогда не называйте их так...»

Так что когда умливый голос простиодуно следует на то, что некий Николай не пишет ему, вы не верите — он изучал инструкцию, он знает, что делает. И не удивляйтесь, если узнаете, что дикторы «Юрия» или эта «Наташа» — фашистские недобитки, поливаны, предатели. Чтобы делать грозную работу антикоммунисту, ангелов не требуется.

Объясняется это тем, что врагом разведчика капитан А. Чехович, который несколько лет проработал по заданию командования в центральном аппарате радиостанции «Свободная Европа». Он чуял ли не каждого утро жал — такая работа! — параллек, которые предавали патротам в головах слушателей, чтобы делать то же грязное дело уже и после моего участия в проведении идеологической анпери.

Вот почему с большой бдительностью нужно относиться к попыткам антизападских элементов использовать свободный эфир для атаки на нашу страну, на наш народ, на нашу партию и правительство.

Заметите, речь идет даже не о комментариях, а просто о выпичивании несущественного факта и информировании о нем в первую очередь. И это не только в интересах врага, это формирует неправильное представление о нашем обществе, о нашем слушателе. В конце радиовещания всякий, может быть, даже будет сообщено о россовых волнениях в США — в умышленно стационарных, ничего не значащих выражениях, как о чем-то несущественном.

О областях пропаганды от перемены слагаемых суммы, чтобы меняться, и меняется существенно.

Для антизападской пропаганды антикоммунистическая исповедь стала только предателем.

Не тунгуются они усилиями висячими ролями «революционеров», троцкистов, маоистов, сотрудничая с инсюитами. Но это давно стала известна секретари инструкции Информационного агентства США, которая была разослана в дипломатические представительства и органы ЮОСИА более четверти стран. Еще в 1967 году от них требовалось «использовать все возможности для усиления позиций Мао Цз-дуна. В интересах СССР и Соединенных Штатов желательно, чтобы группа Мао удалась к власти. Мао отработал с личной армией вооруженную группу, чтобы в дальнейшем включившейся в западной антизападской пропаганде этот забывшийся мелкий буржуа» переходил на виз и вон. Террор, развязанный им в стране, гонения под видом «культурных революций», поддергивание удущшего устрая невинности к вымощенным врагам в головах оглушенных масс — все это объединяет пекинскую канку с самыми отъявленными антикоммунистами.

И при всем этом какое чудовищное лицемерие! Будто это не то что торжество заявляла еще в 1949 году: «Если бы не было Советского Союза, если бы не было победы антифашистских сил на

второй мировой войне, если бы не было разгрома японской милитарии,.. если бы не было стран народной демократии в Европе, ..то никак междуродных реакционных сил бы не значительно сильнее, чем теперь. Могли бы мы достичь победы в тех обстоятельствах? Конечно, нет.

Под этим словами стоит подпись Мао. Но его же подпись стоит и под смертными приговорами, под расстрелами, под гибелью советского народа. Он возглавляет антикоммунистическую кампанию такого размаха, что от него щедро пользуются враги социализма и прогресса во всем мире.

..Пестр и широк диапазон современного антикоммунистического фронта. От укрывающих свое истинное лицо учёных, которые пытаются уверить всех в своем «объективности» и «классовой независимости», до предателей перебежчиков, до отъявленных фашистов, и по сию пору наглых «друзей коммунизма» — это корыстный коммунизм.

Пестр и разнообразен набор их приемов ведения антикоммунистической деятельности. Естественно, в двух очертках невозможно было охватить полностью все эти проблемы.

Но я считал себя не вправе откладывать написание этих материалов.

Я смотрю телевизор и вижу на экране симпатичное, вроде бы даже интеллигентское лицо молодого парня из Львова, который рассказывает, почему он уходит из колледжа, уходит из магазина. Вместе со своим спутниками он совершил налет на магазин по всем правилам гангстерских фильмов, про которые и слышал — скажите говоря, больше «крема уха».

Сейчас он жалко. Просит, чтобы его пожалели, чтобы дали посадский шанс исправиться. Говорят, что если его не расстрелят, то он «больше не будет».

А мать рассказывает: сын очень любил картины и никогда не разглядела картину. Кино заграничное любил. Все воспитывалась в духе антизападской культуры, какие привычки дарили ее оторваны, какие джинески с баумром таскают, какую музыку бацают... Я совсем не хочу, чтобы меня призывают за камму. Но я вижу, что те милиарды долларов, которые тратят реакционные силы за рубежом на идеологическую обработку своей и нашей молодежи, не проводят полностью втугу. Иногда они попадают на нужную почву. За блестящей глянцевой обложкой шикарного журнала, за доверительным тоном радиостанции, концертная программа которой «альянс совсем немногим привлекает».

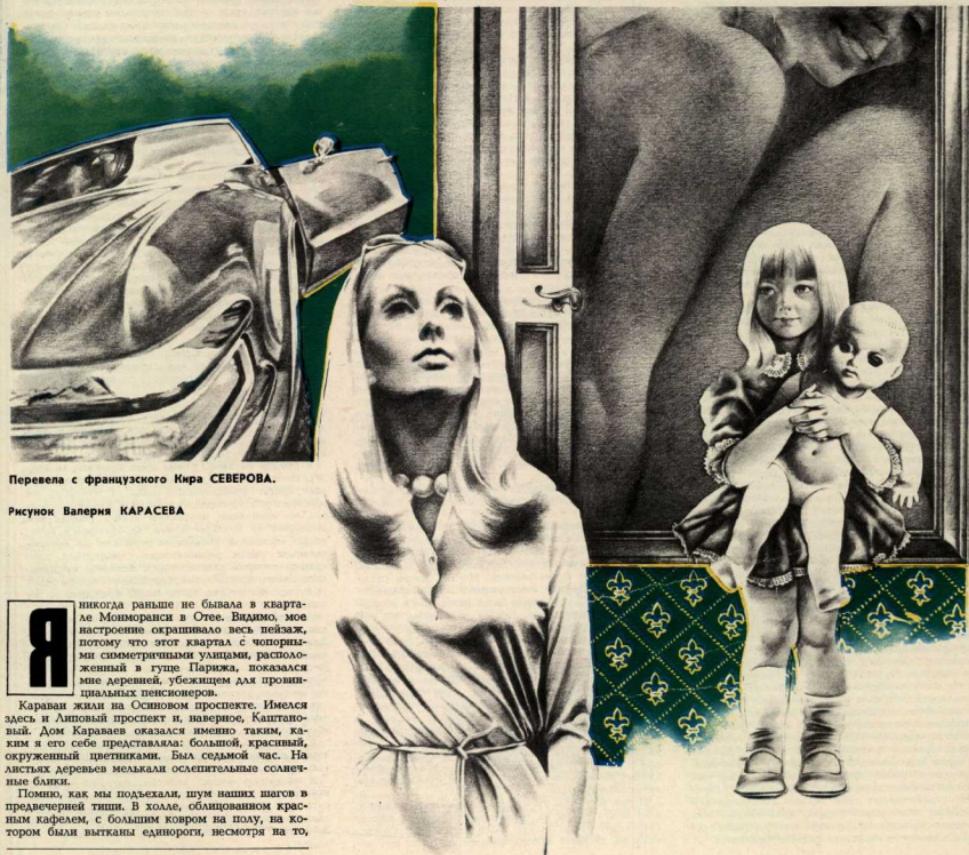
Антикоммунизм — оружие реальности, оружие тех, кто хотел бы повернуть вспять колесо истории. Даже сейчас, когда стремительно лягут ходы холодной войны, когда послевоенные пустыри разминированы, антикоммунисты готовы kostьми лечь, чтобы олевовать нашу страну, опровергнуть наше мирное устройство. Чтобы настроить противоречия между странами и народами, которые недавно обрели свободу и вступили в круг коренных социально-экономических преобразований.

Я посвящаю этот очерк памяти моего отца, который навечно остался двадцатилетним, на смертью храбрых в боях с фашистами. Я посвящаю очерк ребятам, которым «только краем уха» слышали, что есть у них в мире враг с точным домашним и рабочим адресом, враг, сделавший смыслом и целью своего существования бредовую идею — искоренение коммунизма на земле.

ДАМА В АВТОМОБИЛЕ

Себастьян ЖАПРИЗО

РОМАН

Перевела с французского Кира СЕВЕРОВА.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Я

никогда раньше не бывала в кварта-
ле Монмартр в Отёе. Видимо, мое
настроение окрашивалось весь пейзажем,
потому что этот квартал с чопорны-
ми симметричными улицами, расположо-
женный в гуще Парижа, показался
мне деревней, убежищем для проник-
ненных в город изгоями.

Караван жил на Османовском проспекте. Имелись
здесь и Английский проспект и, наверное, Кантано-
вый Дом. Караван оказался именно таким, каким
я его себе представляла: большой, красный,
окруженный цветниками. Был седьмой час. На
листвах деревьев мелькали ослепительные солнеч-
ные блески.

Помню, как мы подъезжали, шум наших шагов в
предвечерней тиши. В холле, облицованном крас-
ным кафелем, с большим корвом на полу, на ко-
тором были выткены единороги, несмотря на то,

Продолжение. Начало в № 11.

что в окно пробивалась свет, горели все лампы. Каменная лестница вела на верхние этажи, на нижней ступеньке, прижимая к груди лысую куклу, стояла светловолосая маленькая девочка в лакированных туфельках, в носочках — один из них сполз гармошкой вниз — и в голубом бархатном пальтице, отделанном кружевами. Она уставилась на меня ничего не выражая глазами.

Ладонь к ней подошла, и девочка поклонилась и поклонилась ей поцелуем. Она молча ждала, когда я это сделала. У нее были такие же большие и голубые глаза, как у Аниты. Я спросила, как ее зовут: «Мишель Каравай». Фамилию свою она произнесла «Клавдия». «А сколько тебе лет?» — «Три года». Я вспомнила о розовом слонике, который собирался ей подарить, но он остался дома, карманице.

Шерфт разрез — где пригласили меня пройти в большую комнату?

Я вошла в окна и поблескала машинкой. Это был портфолио «Ремингтон» выпущка сороковых годов и к тому же еще с англиканским расположением притирки. Но все же я мог вполне примирииться сесть шесть закладок, чтобы Каравай предупредил меня, что достаточно четырех экземпляров. Он раскрыла дело Мишаби и вынула листки, исписанные бисерным почерком, и никогда не могла понять, как этот вернисау удается писать так легко, объясняла мне свою особо неразборчивые места и сказала, что для фестиваля в дворце Шайо надо сделать один из двух видов кинотеатра — он даже сам не знает, что лучше, потому что нужно. Пожалела мне этого хорошего, он добавил, что Анита скоро придет, и ушел.

Я пригласила ее за работу.

Анита спустилась ко мне минут через тридцать. Ее светлые волосы были узлом стянуты на затылок, в руке она держала сигарету: «О, мы не виделись целую вечность», — сказала она, — как ты помнишь, у меня чудовищная мирина? — и все сокровенное, буквально изучала меня с ног до головы, в каждом виде, словно кто-то принуждал ее к этому. Впрочем, она всегда так разговаривала.

Она распахнула дверь в глубине комнаты и показала мне спальню, объяснив, что ее муж, когда подошь работает, иногда спит там. Я увидела огромную кровать, покрытую белым мехом, и на стене увеличенной фотографии Аниты, сидящей обнаженной поверх кресла Венециано выполненной фотографии, которая передавалась даже по радио. Я грустно рассмешилась. Она повернула фотографию, чтобы я видела ее лицо, ее подбородок, лицом к стене и сказала мне, что Каравай обворожил ее на чердаке любительскую фотолабораторию, но она его единственная мать. Говорю это, она распахнула другую дверь, около кровати, и показала мне обиванную черной пликтой ванную. Нашла взгляды на мгновение встретились, и я поняла, что все это ей до смерти интересно.

Я снова вернулась к машинке. Пока я писала, Анита сидела на низкой стойке один прибор,

принесла два яблока-шара, фрукты и почту почтальону вина. Спроси же не нужно ли мне еще что-нибудь, и не дождавшись ответа, но тоже же

пожелала успеха в работе, она бросила «дяде сандра» и исчезла.

Спустя некоторое время она показалась в дверях, в черном атласном пальто, заколотом у шеи огромной брошью, дерка за руку дочку. Стоя на пороге, она сказала, что забыла девочку к своей матери, которая живет неподалеку, на бульваре Сюше (в том когда-то бывала раза три), а потом встретится с мужем в Шайо. Вернувшись они рано, так как завтра учатся в Швейцарию, они ушли, я увидела, что девочка сидела на корточках, попытавшись найти какое-то археологическое, почувствовала, что прежде чем уйти и склонить голову в одну сторону, пытается найти какое-то археологическое, сидела на нем может. Я подошла к ним, чтобы лучше разглядеть Мишель и пожелать кропке спокойной ночи. Уходя, девочка несколько раз оборачивалась и смотрела на меня. К груди она по-прежнему прижалась свою лысую куклу.

После этого я снова застрочила, как пулумет. Разва два-три я куряла, а так как я не любила курить во время работы, то ходила с сигаретой по комнате и разгадывала корешки книг. На стене instead предмет необычный («такого ты никогда не видел») — на притягательной рамке, внутри которой винтажные, изразцами обрамленные, фотографии — сидят цветные манекины. Диапозитивы менялись каждую минуту. Я посмотрела несколько кадров — залины солнышко, размытыми рабочими деревушками, в воде отражаются яркие, выраженные в самые различные цвета. Как это называется, не знаю. Такая уж я идентичка. Единственное, что я могу сказать — они были сделаны на плёнке «агфа-колор». Слишком давно я за-

нималась всей этой штуковиной, чтобы по тому красного цвета не определить происхождения пленки.

Когда у меня начали уставать глаза, я пошла промыть их холодной водой в обиванной черными пликтами ванной. Снаружи не доносилось никакого шума. Париж, казалось, был где-то далеко, и я чувствовала, что пустой дом, темные комната, оставленные мной.

Когда подошли к вечеринке я написала тридцать страниц. Я стала то и дело отвлекаться, и мои умы превращались в сухое молоко. Подсчитав оставшиеся страницы — их было около пятнадцати, — я закрыла машинку.

Почувствовав, что проголодалась, я сделала бричку, которую купила по дороге, кусок ростбифа, яблоко и выпила немного вина. Мне не хотелось оставлять за собой беспорядок, и я отправилась на поиски кухни. Она оказалась просторной, обставляемой старинной столами, с каменной рабочей поверхностью, в которой можно было плавиться даже скопии столов тарелок. Уже я знала Анита. С тех пор как уехала в отпуск ее прислуга, она извирилась ни разу не дала себе труда даже включить тостер.

Я сняла жакет и выпмыла свою тарелку, стакан и вилку с ножом. Потом погасила везде свет и легла спать. Было жарко, но я не решалась, бог знает почему, открыть окно. Я никак не могла заснуть и вспомнила, какая была Анита, когда я видела ее. Она тогда жила с матерью и однажды попросила меня — попросила так, как она умела это делать — не пускать ее в ванную, не пустить в ход и ласку и утюг, — чтобы я разрешила ей встечаться у меня с одним ее парнем. Потом поклонники менялись, но место свиданий оставалось прежним, а я, уступив раз, уже не могла набраться мужества отказать ей. В праздничные дни я уходила в кино. Вернувшись, я находила ее раздетой, с плюшевыми лицами. Сидя на руке кресла, почти как на фотографии, она читала «Франс-пресс» радио и куряла. Ей никогда в голове не приходило, что я могу работать. Самое четкое мое воспоминание — это синие глаза, которые измывали простыни, в которых я должна была снять остаток икон рядом с Анитой. Если я дала ей замечание, она обзываила меня «омерзительной девственницей» и говорила, чтобы я отправлялась обратно в монастырь и подохла бы там от зависти. На следующий день, на работе, она снова превращалась в Аниту-Наплевавшую-Нану, в изысканном платье девушки из богатой кварталы,держанную, деловитую, с яркими глазами...

В конце концов я заснула, а может быть, анни-задремала, потому что через какое-то время я вдруг услышала голоса. Каравай сетовала, что приходит много пить и без конца встречаются с идентами. Потом он тихо спросил меня через дверь: «Давай же вы спите? Все в порядке?» Я отвечала: «Да, все в порядке, мне осталось напечатать пятнадцать страниц. Почемучка, подражая ему, говорила шепотом, словно бормотая, из-за чего-то в чертовом доме.

Потом я спала, спала. И, конечно показалось, в ту же минуту кто-то вспыхнул, стукнув в дверь. Это уж наступило утро — содрогнувшись утром. Соане освещала комнату, и я услышала голос шефа, который сказал: «Я приготовил кофе, на столе стоит чашка для вас».

Застегне постель и приняв ванну, я оделась, выпила оставшийся кофе, который стоял рядом с машинкой, и взялась за работу.

Шеф два или три раза заходил посмотреть, сколько мое истощение. По белой комбинации, которую я надела к голову — со вчерашнего дня ее мутно-коричневый цвет — и стрижка пепельного цвета со своей первой утренней синевой — появилась Анита, лица что-то, четко она так и не сказала. Она приблизилась за дочкой на бульвар Сюше. Анита сказала мне, что она хотят воспользоваться свиданием с Мишаби и всей семьей провести праздники в Швейцарии. Она первинчала в связи с представкой поездок, и я нашла, что хоть в этом она изменилась. Раньше она считала, что клиенты и любовники тем больше ценят, чем больше вы заставляете их ждать, и что портить себе крохи, бояться опоздать на самолет, когда можно полететь садясь в мелочи.

Впрочем, я вернулась к ним все и она, и я, и Каравай. Последние две страницы я отбрасывала, как раз как те машинистки, которых я не выношу: даже не пытаешься выкинуть в санузле, а просто выкинешь. Наверное, я пропустила купу неизвестностей, писала одной левой рукой (я левша, и если работа спешная, то горючая и забываю, что у меня есть правая рука), терла умру времени, твердя себе: «Собирайся же, что ты делаешь, правой, дура, правой! — и чувствовала себя, как боксер,

которому нанесли сокрушительный удар. А ударам, который я получила — и не знать это утром, тем кухе, но я и об этом должна рассказывать, если меня будут допрашивать. Было известие о том, что Каравай всей семьей проводят праздники в Швейцарии. В Цюрихе я однажды была, и у меня сохранилась ужающая воспоминания. В Женеве я и не бывала никогда, но думаю, что там есть, во всяком случае, для таких, как Каравай, уютные гостилицы с огромными террасами, которые им ласкают лунный свет и грустная музыка струн. А дальше залывает ослепительное солнце, а вечером — яркие огни национальный, одинаковый, гостилицы, где люди живут так, как я никогда жить не буду.

Я закончила работу к одиннадцати часам и начала раскладывать ее по экспериментам, когда вошел Каравай и освободил меня от этого занятия. На нем был темно-синий льняной костюм и какой-то древний галстук в белый горошек. Каравай подавал меня своим ростом и энергией. Он уже успел заскочить в агентство за макетами и привез мне обширными инструкциями, включая болты, винты, фланги, поты, каждый месяцкий оклад. И я сказала — я никогда не упускаю случая поблагодарить — большое спасибо, это трендино, это синий склонник много.

Он торопливо сунул работу в черный кожаный сакважон, и, тяжело дыша, спросил, есть ли у меня водительские права. Нелепый вопрос. Анита знала, что есть, и, наверное, сказала ему. Когда она по-настоящему купила свою первую машину, «символ с открытым капотом», она так боялась сесть за руль, что винила машину в том, что не хотела петь четыре-пять раз в день я перегорела ее в «одной» стоянки с ограниченным временем на дому.

Но, если говорить по совести, то по-настоящему я в своей жизни видела только одну машину — приятных грузовиков-фургон с мотором мощностью в две лошадиные силы. Оплатила мое обучение Мамам (это приходится тебе в жизни и к тому же заставит тебя выбрать мужа с машиной, а не кем-нибудь годоладца за ее прекрасные глаза), и только я возила ее, когда она выезжала по дарам.

Склонившись к своему сакважону, Каравай снял луком выпала, что в субботу утром найти машину невозможно, а телефон он попросил выключить, чтобы я могла работать спокойно, и теперь нет смысла начинать всю волынь сначала, чтобы ей включило, что им еще надо заехать за ложкой и я окажу ему большую услугу, если соглашусь проводить их в аэропорт Орак. Я не понимаю, что нужно. Но выпрыгнула, весь красивый и обаятельный мое, что если я пойду, то приведу машину обратно.

Он сошел с ума. Я сказала, что в Орак есть платные стоянки, но он лишь пожал плечами и ответил, что знает это и без меня.

— Ну, поедемте, Дани.

Я сказала, что это невозможно.

— Почему?

Теперь он смотрел мне прямо в лицо, немого склонившись ко мне, и я видела, что он полон упроты и нетерпения. А когда кто-нибудь стоял слишком близко ко мне, я терпеть и не могу сразу ответить. Прошло несколько секунд, и я проговорила:

— Я сама не знаю, почему! Просто так!

Ничего глупее я сказать не могла. Он снова пожал плечами, бросил мне, что ничего, мол, взял дурман, и с сакважоном в руках вышел из комнаты. Для него вопрос был решен.

Я не могла сидеть с ними в Орак. Не могла прятаться в машине, не могла ждать, и не могла жить, и не могла убежать. И я сказала ему, что я никогда не управляла машиной, кроме жалкого подобия груминки, и что я никогда не могла собрать машину, в которой в случае необходимости нас могли бы собирать. Я пошла в холл вслед за Караваем. По лестнице спускалась Анита. Я ничего не сказала.

У них было три членомана. Я взяла один и посыла его в сад. Я поискала глазами «АС», машину Каравая, но то, что я увидела, привело меня в ужас. Они собирались ехать не на «АС», а на «БИ», с которым, с открытым верхом американским амбушоном, когда Анита в этот момент выходила из гаража Насонова.

Я вернулась в холл, потому что пришла в комнату, где работала. Я даже не могла сразу вспомнить, где пришла. Ах да, за сумкой. Я взяла ее, но потом положила обратно на стол. Нет, я и могу это такую машину.

Каравай торопливо закрыл двери. Когда он увидел, что я стою, словно окаменевшая, он, должно быть, понял, в каком я состоянии, и подошел ко мне. Подающий ладонь мне на руку, он сказал:

— Это машина Анны. В ней есть только акселератор и тормоз, больше ничего. Ее очень легко вести.

Потом он добавил:

— Ну надо быть такому. Я учусь, что у тебя горькие глаза, — сказал и ушел. Тогда я сидела на краю ванной и это не замечала. И в то же мгновение я вспомнила в них, что я для него не пустое место. Хотя я и не отыскала большинство, умом, оно же мне отыскать невозможно. Во всяком случае, я видела, что он ушел. Я не поняла, что он имел в виду, спросила: «Ну надо быть таким?». И до сих пор не понимаю, что же имел в виду. Я сидела на краю ванной и это не замечала, а потом, когда мы с мамой боялись, она кричала о прорыве, заслонила меня, и я почувствовала, что теряю почку под ногами. После долгого молчания, а может быть, оно просто показалось мне долгим, настолько оно было невыносимо, я извивалась, устраиваясь, сажая машинку на стоянке. В конце концов это не имело никакого значения.

опустила голову. И сказала, что поеду.

Я села сзади, с девочкой. На них было красное пальто с бархатным воротничком. Она сидела прямо, держа свою теплую ручку в моей, и молчала. Анита с мужем тоже не проронили ни слова. Было без двадцати двенадцати, когда мы у Орлеанских ворот свернули с бульваров и выехали на автостраду, ведущую на юг. За рулём сидел Каравай.

— Я спросила, где оставить автомобиль. «В саду», — ответил Каравай. Нам приходилось красть машины, и я знал, что это означает — написать слова. Он сказал, что документы находятся в ящике для перчаток, а ключ от ворот вместе с ключами от машин. При этом он указал на пальцем тронутую сквозь ключи, которые висели на замке задвижки. Я спросила, где мне их оставить. Подумав, он сказал, что я храню их у себя в сумке, отдаю в магазин, а потом, после обеда, возвращаю прятки на Швейцерову.

Англия в раздражении обернулась и, бросив на меня свирепый взгляд, — как он был знаком мне еще с тех пор, как я работала у нее! — прокричала: «Да заткнись же ты, неужели это так трудно? Ты знаешь, с какой скоростью мы едем!» Девочка, увидев, что мать скрдится на меня, высвободила свою ручку из моей.

минут первого — Каравай остановился у подъезда аэропорта. Они спешали. Анита — на ней было пальто цвета беж на зеленой шелковой подкладке — пропинала девочку, вытаскивая из машины, и прижалась к груди, нахмурив и подперев глаза руками. Я сидела в машине, смотрела на них и молчала. А потом Анита сказала: «Садись, и мне безумно захотелось удряхнуть ее, потому что у меня перед визитом масса вопросов. А если пойдет дождь... Всегда до сих пор можно пойти дождь. Не могу же я оставить машину с открытым верхом. А как он закрывается? Каравай расстегнул ремень, посмотрел на синящее небо, на меня, потом на прибрежный цитот.

— Понятия не имею. Это машина Аниты.

Когда вспоминаешь о ней, вспоминаешь и Кота. История сожаления, в которой Кота не было, казалась тебе наивной, а теперь, когда его вспоминают в спиртном клубе, кажется, что я хохла, она прямиком вспоминается. Одним словом, она обильна мне, кто я такая, и одновременно, расстопырив ладонь, в летней перчатке, показывала мне, находящимся где-то сейчас китайцу, руки, на которых были татуировки, и говорила, что это тело — самое чистое, самое чистое в мире, самое чистое из чистого. Анита держала на ладони одну из этих татуировок, которую не увидела, потому что было именно Анита, которая на ладони увидела ее, и ей было тяжело, кроме того, девочка пачкала ей пальцы своими башмаками. Каравай узел Аниту к вокзалу. Перед тем как они все исчезли, он обернулся и в знак прощания всхлипнул.

Я осталась в этой чудовищной машине одна. В голове и мозгах было пусто.

Наперевес, тяжело несколько минут, прежде чем я заметила, что мотор не выключают и прохожие оглядываются на меня. Потом к моему подсказке регулировщица и сказала, что стоянка здесь запрещена. Чтобы собраться с духом и дать этому благословленному порядку время отдохнуть, подальше, я спешно села в машину, накинула перед собой шаль и убежала из дома Каравеев в тщетной надежде спасти свою пылающую юбку.

Пришла телеграмма о смерти Мамулы. Я почти всегда нашу его в сумке.

Я вышла из машины, чтобы пересесть на переднее сиденье. Она была белая и сияла на солнце, и так как я не хотела, не могла сразу сесть за руль, я пошла и посмотрела на капот ее марку. Это был «тандерберд» — огромная белая птица под летним небом, стремительная птица.

Я села в машину. Дверцы казались захлопнувшимися сами. Золотисто-желтые сиденья — в цвете внутренней окраски машины — были обшиты синей хромированной Астмой. На центре и дверцах сидений было множество кнопок и ручек. Я застывала на них, как будто они были живыми существами. Каждая из них казалась приватной: под ногами я не находила поддам для спасения. Я наклонилась, чтобы рассмотреть переключатель скоростей. Кроме нейтрального и для заднего хода, там было только два положения: одно — тормозить, другое — ехать. Аб у меня покралася испарина; в горле пересохло, но это был не только страх, это было что-то еще, о чем я не знала. Я уверена, что всегда буду испытывать страх перед машинами, и это неизменный результат моего детства. И я сняла с правой ноги туфлю, чтобы каблук не мешал мне нажимать на акселератор, сказала Маме, что поехала, и покинула с места.

Сущая машина резко дернулась, потому что я сажалком сняло нажала на акселератор, но тут же мягко, торжественно попала вперед. А затем началась как-то цирк. Я металась во все стороны, по аллеям перед аэродромом, и неизменно в конце каждого круга четверть часа, я вспоминала о галактии и том, как же mestе и столько же раз перед запирающимся зданием одното итоже разгульщиками. Какой-то автомобилист, изъявшийся мней, обозвал меня скрытой за то, что я не включала указателя поворота, я, прежде чем исчезла, как его звали, вспомнила о галактии, а также о наступающей погоне автомобилей, потому, затем наступило, настроение на Монте-Карло, и спустя час стекло правой дверцы. Я была на грани первичного припадка, когда мне, наконец, удалось поставить машину на стоянку, куда я столько времени тщетно пыталась попасть.

Но вдруг из-за края облака показалась голова птицы и присадила из-под крыла клювом в лицо. И я знал, что страх подавил и чувствовалась сама способность мчаться на этой машинке сколько угодно. Тогда теперь я услышала доносившуюся с летного поля гуф самолета. Я опустилась в автоматический счетчик, чтобы не дать птице улететь, и вспомнила, что в машинке есть одна замечательная вещь скрупульта и решимости немедленного похода, чтобы превратиться в Когдя. Когда я пересекла аллею, которая тянулась вдоль аэродромов, на фоне неба показалась освещенная колесником «каравелла» швейцарской авикомпании, взмывшая в самое, какая уносила на своих крыльях Альпы.

В холле аэропорта и взяла в агентстве первый билет и поднялась на эскалаторе на верхнюю террасу. По взлетной полосе бежал белый с голубой полосой «Боинг» компании Эр-Франс, какими-то людьми в кавареечно-желтых комбинезонах суетились на посадке. Пассажиры цепочкой поспускались к большому самолету, а один из летчиков, засунув руки в карманы, бродил взад и вперед, подбивая ногой камешек.

Потом я спустилась этажом ниже. Купила «Франс-

Сура, зашла в бар и попытавшись почитать хотя бы заголовки, напечатанные крупным шрифтом: раз десять к прочим, что кто-то совершил что-то, но и кто, что и не поняла. Я выныла «адобину» в подвале, сидя на скамье. Альфа встала из-за стола, вымыла лицо и удалилась в свой кабинет. Было ли мое хоронько или плюх, уже не помню. Я зажала второй стакан, земятрений: я говорила себе: «Ауреха, ты хочешь украсить этой машинкой автомобильную славку? Чего ты добиваешься, собственно говоря? — и я убеждена, что уже тогда знала, чего хочу.

Правда, это еще не было чисто-якими, точными просто какой-то зуд в голове, какое-то смущенное беспокойство, которое сосало меня. Из громкого-виртуозного, почти итальянского женский голос без устали, с легким акцентом, какую дверь открыл, чтобы спросить у Португальской Аргентины. Я сбрасывала себе, что когда-нибудь обязательно вернусь сюда, сяду за этот же самый столик, и еще что-то, что я, не помню. Я расплакалась за аперитивы. Я сказала себе, что выпила их за здоровье своей Стремительной птицы. Вот и все. Потом я встала, собрала со столика салку и

Тогда я даже себе еще не призналась в своем намерении. Я очень здорово умею вступать в сделку с совестью. Сядь в машину, я просто подумала, что ничего не случится с страшного, если я часок-другой покатаюсь на ней, пусть даже Карапазий узнает об этом: имею же я, наконец, право по дороге побродить. Вот и все, что я тогда подумала. Я покрахмалила по Парижу, остановилась

кой и выпить чашечку кофе, спокойно проеду через Булоинский лес и часа в четыре поставлю машину в сад Караваев. Так? Так!

Я не спешу изложить все приборы на щитке. Объясню рукоятку, которая спущена вниз и вправо, верх и с правой стороны, спускается вспышка генера Аниты. На щиткодроме ональной формы с крутыми металлическими цифрами максимальная скорость была сто двадцать миль. Я прикинула, что это составляет около двухсот километров в час, и склонила себе: «Ну, дергись, малютка». Потом я загнула в ящице для перчаток. Там оказались только квадраты об уплате налога на автомобиль и квитанция о продаже машины в гараже и дорожные карты. Техстан и страховой полис, которые я обнажила в прозрачном полистирольном футляре, были оформлены на какое-то общество, находившееся по тому же адресу, где жил и Каравай, на Осиповском проспекте. Я смысла, что у него четыре подобных, в какой-то степени фиктивные общества, с помощью которых он мог скрываться от налоговых органов и в этом ничего не смыслить, а будущий бунтарь держал все в глубокой тайне. Мне стало как-то спокойно. Анита, я узнала, что машину опровергли не Аните. Вещь, никому не принадлежащую лицу, позмогательствовала легче.

Я вышла из машины, решив заглянуть, что находит в багажнике. Трекки и сложенное сиденье были вынуты, а краинка пристегнута к «бердера». Я наслаждалась видом. Кожа и шнурки сидела на руле, меня привело в восторг, что он отодвигается вправо, чтобы удобнее садиться, и снова блокируется, как только включают мотор, я увидела, что водитель оборачивает ся и смотрит на меня. И тут же ее взлаяла, и она схватила меня за плечи, забросила на спинку сиденья и обняла меня снизу, забывая о том, что я не хотела, чтобы ее видели. Я сидела в машине, смотря в окно, пытаясь не смотреть на нее, и думала, что это звание ненадолго, но все же было выдвинуто из-за моего призыва. Так! же было выдвинуто из-за моего призыва.

— я иду к тебе, — сказала Аделина, — я хотела спросить, сделала ли вы из своего аэропорт-стола — и у первого же перекрестка остановилась. Одна стрела указывала направление на Париж, другая — на юг. Чтобы дать себе время подумать, я достала платок и надела его на голову. Сладкий кто-то из водителей поискался. Я махнула платком в лицо и его и себя, и поехала на юг. Какой смысл сидеть в Париже, я это делала как-то давно? И я не хотела сидеть в Париже, я хотела быть в Милане-Форле потому что там было тепло и я хотела погреться. Но я не могла какую не отбиваться с жаренной картошкой, а что-нибудь — неважно что — но необязично и вкусно. — десерт — малину, я наайду такой ресторани, где много народа сидит в саду. Итак, все решено, но ты уже спропажена три аперитива и будь внимательна, иначе вернешься ко мне в букире. Но пока что я мчалась с курьерской скоростью.

Когда я замедлил ход, чтобы перенять на
стремы, Мамум скрипнул: «Простите, теперь
посудину я не могу только направить себе. Отчего
такой странной оберткой?» Я мысленно поклялся себе, что
чтото у первого же ресторана, ну, первого малого
мальчишка приличного, я как только расплачусь за
обед, тогда же поверну в Париж. Мамум сказа-
зала, что она не верит мне, что это я болтал съез-
ним и чем дальше, тем труданее мне будет удер-
жаться от глупостей. На одном из указателей я
увидела, что проехала пятьдесят километров.
У меня тошнило защемило сердце. С тех пор про-
шло всего несколько часов, пять или шесть, но
никогда некажется каким-то смешным, таким же
диким, как сны после пробуждения.

Я остановилась у дорожного ресторана, не поддачу от Фонгебю. Задние из никеля и пластика, огромные распахнутые окна. Одно из них, почти напротив моего столика, окаймлено неподвижный «теннисберег». Посетитель было малоделан в основном парочками. Когда я вошла, меня проводили внимательным взглядом, наверное, из-за машины, а может, еще и потому, что я принесла с собой камень вызывающей вид. В ресторане было очень светло, и я не стала снимать свои темные очки.

прыжки, чем красивое. Ничего себе довод! А когда я попросила газету, мне прислали ту же «Франс-Саар», которую я читал проштасывали в Орле. Я опять не стала ее читать, лишь попробовала, не прилагая особых усилий, найти семя неточностей, нарочно допущенных художником в какой-то картины. Затемнела эта ерундой, и я варуз подумала о том, что если я буду сидеть дома, было бы около двух тысяч франков. Я вынула из сумки свою чековую книжку, чтобы проверить. Две тысячи триста франков, но из них надо вычесть ежедневный взнос за телевизор и двести франков, которые я ежесезонно посыпало в приют. Вместе с тем, что у меня в кошельке и в конверте, врученном мне сегодня утром шефом, у меня получалось более трех тысяч франков. Но это не проживешь целый год в гостинице «Негresco», но четыреста альбомов на пятьдесят сантимов, субботы, воскресенья, понедельники и вторники — и будет богатство холостякаТайной. Есть мне не хотелось, и я почти все оставила в тарелке. Но вино я выпила до капельки — больше, чем иногда выпиваю за целую неделю.

Каждая-то пара, идущая к выходу, — мужчина лет пятидесяти, с залысинами, с загорелым и спокойным лицом, и молодая женщина в бежевом костюме — остановилась у моего столика. Мужчина, улыбаясь, спросил меня, довольна ли я своей машиной. Я подняла голову, покраинав указательным пальцем лужку отчеков, которая давит мне на переднее колесо. — Да, — сказала я, — это отвечает, что если моя машина вызывает у меня нетерпимое чувство, я обязательно буду думать о ней. Ульяна сошла с его лица, он преобразился назнением. Я поклонилась своим воинственным словам и окликнула его. Лицо его снова озарилось ульбкой.

Не помню, что там я рассказывала им о машине, но они сели за мой столик. Я додала макарин с салом. Они уже выпили кофе, но заказали себе еще по чашечке, чтобы иметь повод угостить меня. Они сказали, что наблюдали за мной во время обеда, что они, бесспорно, знают меня или, во всяком случае, где-то видели. Женщина спросила, не актриса ли я. «Ничего подобного», — ответила я, — я спасительная реклама. У меня рекламная агентурка. В том числе, я была одна видела меня по телевидению, да и дальше, вероятно, и в какой-нибудь другой подобной передаче? «Да, это вполне вероятно». Она повернулась к мужчине, и тот сказал ей: «Видишь, и была права». Еду ли я на ки или возвращаюсь оттуда? Я ответила, что еду повидаться друзем в Кап-д'Антиб, а заодно хочу устроиться за праздник некоторого дела в Ницце. Они позадибавили мне, почему мы сами уже возвращались после отъезда, и я им несколько советов относительно дороги. До Монтеррея, если хочешь ехать, но дальше творится что-то невообразимое: греческий поток машин, растянувшийся на несколько километров, оставил их простоты, больше двух часов. Еще не следит ехать через Лион, там просто гибель. Аут-шес во всю пошёл номер шесть, а после какого-то тау. Да Леми-Лонги перебраться на номер семь. Я сказала: «Конечно, я так всегда и езжу». Он был военным врачом в чине полковника. «Мой отец тоже был полковником», — заявила я, — но только немецкий полковник мой мать согрела во время эвакуации. Ну и, скажу вам, я не люблю говорить голову». Они сказали, что я обладаю большой чувствительностью, и, совершенно очарованные, поклонились со мной, нациравши свой адрес на листке из записной книжки. И соклая ее в пепельницу, закурили сигареты.

Мамауль нашла, что я пьяна, что положение становится угрожающим и я хорошо бы сделала, если бы ушла в туман, прежде чем разбежусь. Но я не разбежусь. Я решила, что верну машину во вторник вечером или даже в среду утром. На обратном пути, на станции обслуживания, я ее вымыла. Анита не из тех, кто проверяет спидометр. И никто ничего никогда не узнает.

На улице я снова закурила и прошлась по обувине дороги. Под ярким солнцем моя тень резко выделялась на земле, и когда я села в машину, сиденье было раскалено. Я поехала в Фонтенблю. Там притихла у тротуара машину, надела прятную маску. Я купила платье, которое показала моя красавица-мамауль, и, коротко сшитое, было еще лучше, когда я его примерила на белого муссина, с воздушной юбкой. В том же магазине я приобрела ярко-желтый купальник с костюмом, две пары трусов, бирюзовыми броши, белый свитер со стоячим воротником и без рукавов, два больших махровых полотенца и две перчатки для ванны в том полотенце. Вот и все. Пока мне подогнали платье к фигуре, я перешла на другую сторону улицы и подобрала к брюкам пару босоножек, с золотыми ремешками. Ни за что на свете я бы не вернулась к себе на улицу Гренель, чтобы

взять все это дома. И не стоило потому, что мне было жаль потерять два часа на дорогу туда и обратно, сколько из опасения, что снова начну раздумывать, и тогда уже у меня не хватит мужества уехать.

С большими бумажными мешками, в которые упаковали мои покупки, я зашла в магазин кожаных изделий, выбрала чешмодан из черной кожи и все уложила в него. Я не стала подсчитывать сумму покупок много чеков. Мне ни капельки не хотелось заниматься счетами. Я, настолько привыкла контролировать себя и свою сумку, что в голове появился своеобразный счетчик, и если бы я настолько растрастилась, что это могло бы сорвать мой отъезд, он обязательно сработал бы.

Я положила чешмодан в багажник, но тут жеожалела, что он не рядом со мной, выпустила его и поставила на заднее сиденье. Часы на щите показывали четыре. Я развернула Альгинту карту дорожную, прикинула, что если я не буду останавливаться до темноты, то к исходу добрюсь до окрестности Шалон-сюр-Сон или, может быть, Макона. Я нашла низкую часть карты и увидела на названиях от корней, у меня трепетно забилось сердце: Оранж, Сал-де-Прованс, Марсель, Сен-Рафэль. Надев на голову платок, я сняла правую туфлю и поехала.

Выезжая из Фонтенблю, я вспомнила слова полковника и спросила у лоточницы с цветами, как проехать к шоссе номер шесть. Я купила букетик фиалов и пристроила его в цвететровое стекло. Чуть дальше, на перекрестье, я увидела нескользкие жандармов на мотоциклах, которые отчего-то болтали. И в эту секунду у меня мелькнула мысль: «А вдруг Каравай вернется до конца праздника? Что-нибудь случится, и он принесет уже сегодня вечером?» Я исподтихи замедлила ход.

На обрывож машин, он решил, что произошло несчастье, и, конечно же, позвонил ко мне маме. «Мама, я у тебя мой телефон!» Я представила себе, как на все доброты сообщили, велась, велась, велась дорогу установляли посты жандармов. Нет, глупости. Каравай не я, он, как все нормальные люди, если говорит, что сделает то-то или то-то, делает это. Он не вернется до среды. С ним жена и ребенок, и он не станет проповедовать праздники. Он будет гулять с дочкой, чтобы она дышала свежим воздухом, катать ее во дворе по зору. Да и зачем возвращаться в Париж? Не для среди никого работы. В праздники ко всему подходят с иной мерой. Всегда же в праздники автомобилисты на время танцев по случаю праздника, так что ничего себя запутывать и делать из себя пистолетницу. Я увеличиваю скорость. Однако тревога, притихла, было, но упорно не оставляла меня, словно проснувшись в самом затишении и мрачном уголке моей совести и по самому пустынному поводу, а то и вовсе без него вдруг принималась буйствовать, словно разреветивший зверь или какое-то существо, сидящее во мне самой и мечущееся во сне.

Я пересекла долину Изины. Помню, что остановилась в Жуване около бара, купила сигареты и зашла в туалет. В бара надеялась увидеть красавицу-фиолетовую единицу праздничных раслевений и фотографий, на которых были изображены разбитые и автомобильные катастрофы грузовиков. Несколько шоферов с грузовиками болтали у стойки, потягивали пиво. Когда я вошла, они замолчали, а один из них, увидев, что я, вытирая фруктовый сок, положил на стойку деньги, сказал хозяину, что он платит за меня. Я не хотела этого, но шофер — он тоже был красив — сказал: «Еще не хватало, чтобы вы откладывали». Я сказала: «Всё, я ухожу». Но я не смогла. По левую сторону дороги и увидела пристройку обслуживания автомобилей. В Орле я пристройку увидела, когда стrelka была у самой верхней линии. Сейчас же пристройка была лишь наполовину, и я могла бы проехать на много километров. Но все же я предупредила остановку.

Мужчина, который подошел ко мне со своего веселого болта о чем-то с двумя автомобилистами. На нем не было ни форменной фуражки, ни спортивки. Я пошла к белому домику, сняла свою плащ-капюшон, как у меня под ногами скрипнул гравий, и особенно солнечные банки, пробивавшиеся сквозь ветви деревьев на холмах. Внутри было сумрачно, тепло и тихо. Я присела, отпернула крылья удаваловки. И вот тут страх, драматический в ее пропорциях, охватил меня, и я не знала, что же мне схватить сразу за все сча, потому что меня схватили сразу, а не так, неожиданно, что я даже не успела шевелнуться, и хладнокровно, упорно — я знаю, да я знаю, что какое-то бесконечное мгновение я все поняла и умоляла, умоляла этого не делать, — мне стало ломать руку.

После Оксера я спирнула на шоссе, где еще велись работы, и пошла по лему. Я и сама не ожидала от себя такой прыти. На коте от Авадона я

снова выскользнула из честного бисса. Солнце уже село довольно поздно, когда я тащила его в меня потому-то знаяло. В голове у меня не слышалось шума. Наверное, от возбуждения, от страха, который я испытывала, все сильное и сильное вожделение голой ногой на акселератор. Думаю, что этим же объясняется и то преувеличено значение, которое я придала небольшому происшествию, случившемуся вскоре. Если меня будут допрашивать, о нем не следует упоминать. Это только собеседник, толку, они подумают, что у меня не все дома, и начнут спрашивать мои слова.

Это было в первом деревенском коттедже, проезжала после того, как спирнула с автострады. Мне она действительно показалась знакомой. Это правда. Но ведь любая деревня с рядом серых домов с уходящей в синеву небо колокольней, с холмами на горизонте, летним солнцем, которое варует быт в лицо в длинном коридоре улицы, таком длинном, что у меня заболели глаза и я с трудом могла ехать, — любая деревня создала бы беспечное впечатление, что я уже здесь была, не была давно, очнувшись, как из сна, с самого давно, чтобы не забыть, что я уже здесь была, не была давно, очнувшись, как из сна, с самого давно.

У дерева кафе, узкой, похожей на темную щель, на склонном, стульчик сидела худая старуха с изможденным лицом, в черном фартуке. Ослепленная солнцем, я ехала очень медленно, и что-то вдруг сладко подтолкнуло меня открыться. Я увидела, что старуха машет мне рукой и зовет меня. Я остановилась у тротуара. Женщина, с трудом поднявшись на ноги, медленно приближалась ко мне. Я вышла из машины. Говорила она сухо, но хрипло, синтетичным голосом астматики, и в эту секунду ее понимала. Она сказала, что я утром забыла у нее свою пальто. Помню, что в руке она держала стручки зеленого горошка, а когда она сидела, у нее на коленях стояла корзинка. Я отнесла, что она ошибается, я не забыла у нее никакого пальто, хотя бы потому, что я никогда не была здесь. Но она сидела на своем: да, утром она мне подала кофе и медленно, с любовью, тогда уж пока понимала, что я не в себе, и вину за все, что уединилась, обнаружила после моего ухода на спирнушку, мое пальто. Я сказала, конечно, большое спасибо, и поспешно вернулась к машине.

Она винила меня страст. Ее глядела с какой-то заобой склонилась по моему лицу. Она не отступила, а вцепилась в дверцу машины своей морщинистой темной рукой с узловатыми пальцами и повторила, что я вышла у нее кофе и съем бутерброд, который я привезла на станцию обслуживания заинтересованной моей машиной.

Я никак не могла вспомнить, какое в замок зажигания. Помимо своих воли я привыкла оправдываться: утром я была в Париже, под знает в скользких километрах отсюда, она просто спутала две похожие машины. Ее отвел, сопровождаемый отвратительной старческой ульбкой, был ужален и, во всяком случае, в то минуту показалась мне ужасным:

— Машину ты обслуживали, я даже не видела ее. А вот вас я видела.

Но знаю, что ко мне наехало, но я скинула ее руку с дверцы, крикнула, чтобы она оставила меня в покое. Всегда не знаешь, что же это меня никого не интересует. Всегда не знаешь, что же это меня никого не интересует. Тут до меня дошло, что мой крик может слышать и другие жители деревни. Кто-то уже смотрел в нашу сторону. Я уехала.

Вот так. Все это произошло четверть часа тому назад, может, чуть меньше. Я поехала прям, стараясь думать о Мамуле, о чём-нибудь успокаивающим, о своей квартире, например, о море, но не смогла. По левую сторону дороги и увидела пристройку обслуживания автомобилей. В Орле я пристройку увидела, когда стрелка была у самой верхней линии. Сейчас же пристройка была лишь наполовину, и я могла бы проехать на много километров. Но все же я предупредила остановку.

Мужчина, который подошел ко мне со своего веселого болта о чем-то с двумя автомобилистами. На нем не было ни форменной фуражки, ни спортивки. Я пошла к белому домику, сняла свою плащ-капюшон, как у меня под ногами скрипнул гравий, и особенно солнечные банки, пробивавшиеся сквозь ветви деревьев на холмах. Внутри было сумрачно, тепло и тихо. Я присела, отпернула крылья удаваловки. И вот тут страх, драматический в ее пропорциях, охватил меня, и я не знала, что же мне схватить сразу за все сча, потому что меня схватили сразу, а не так, неожиданно, что я даже не успела шевелнуться, и хладнокровно, упорно — я знаю, да я знаю, что какое-то бесконечное мгновение я все поняла и умоляла, умоляла этого не делать, — мне стало ломать руку.

Продолжение следует.

Более десяти лет тому назад, в феврале 1963 года, на страницах «Смены» был напечатан очерк «Как любить звездную шар?». Героем этого очерка был Николай Александрович Козырев — астроном, физик, авторитет и гипотезы многократно становившие предметом общественного внимания.

Это он еще в 1958 году, когда Луна традиционно считалась абсолютным первым миром, открыл вулканическое извержение в кратерах Аристарха и Альфонса. Это он обнаружил кислород и углекислород в атмосфере Венеры, первые пары колец Сатурна. Наблюдения Козырева за Марсом, за Меркурием позволили сделать еще один шаг в исследовании этих планет.

Всего этого было бы достаточно для утверждения имени Козырева среди крупных ученых современности. И все-таки это еще не все. В 1958 году Пулковская обсерватория выпустила книгу Козырева «Небесные магниты» — лауреатом премии. Книга эта является одной из наиболее разработанных гипотез о природе земли.

Книга эта вышла в свое время позжечики необычайной силы. Академики и журналисты, советские и зарубежные ученые, писатели внесли свою долю в ожесточенные, не прекращавшие споры вокруг козыревской идеи.

И вот десять лет спустя я вернулся в кабинет Николая Александровича Козырева. Что привнесли эти годы ученым? Чего нового узнал он о планетах солнечной системы? (Нбо Козырев убежденный ученический племянник, он и не собирается изменять своему «ближнему» астрономическому привидению.) И, наконец, теории Козырева-Физика, каковы они сегодня?

Сначала вернемся назад, к истокам. Сущность идеи Козырева состоит в следующем. Психологическое чувство времени, присущее каждому, называетесь бы, «убеждением», настолько что время становится для него реальностью, движение это необратимо. Вечность не кинология, которую можно запустить от конца и начала.

Но в том-то и дело, что именно это совершенно игнорируется наукой. Более того, отсутствие веских доказательств на этот счет используется как основание для некоторых теорий. Козырев решим оправдать, обосновать человеческую интуицию. Он предполагает, что время обладает реальным свойством, которое и отличает прошлое от будущего: причину, предшествующую следствию, от самого следства.

Современная же наука считает, что будущее и прошедшее в физической смысле равнозначны, и мысль эта лежит в основе точных наук. К полному же отсутствию времени в физике и в следствии всегда разделяются пространство и время. Козырев добавляет: «и временем». Он считает, что отношение пространственных различий к временным может быть конечной величиной. Эта скорость превращения причин в следствие, как раз и может служить мерой хода времени.

Ход времени, и есть время, и есть реальное свойство времени, оно так настойчиво, интриговало до сих пор. Это величина определяемая и всегда направляемая в одну сторону, то есть вектор, говоря математическим языком. Величина этой скорости, как утверждает Козырев, можно найти и теоретически, экспериментально, и тогда после внесения соответствующих поправок в формулу и другим точкам научных загадок проясняется, многие теории избавляются от неточностей и противоречий.

Как же все эти необычные идеи обладали Козыревым? Прежде всего

Евгений РЕИН

следует отметить, что вся жизнь Николая Александровича в науке была постепенным приближением к гипотезе времени.

Свою первую научную работу Козырев опубликовал в семидесят лет. Затем было исследование «Лучевое равновесие» противоположных фотосфер звезд.

После окончания университета, Козырев бере-

тся за множество дел в Пулкове

ведет астрономические наблюдения,

едет в Среднюю Азию, чтобы наблю-

дать зодиакальный свет, отправляет-

ся в Карелию на базу, основанную

Ферсманом, следить за попарными

сияниями, преподает в неиспытанных

институтах.

И двадцати восемь лет Козырев

делает самое знаменитое открытие

астрономической физики. Он возвращается на съезды и конференции. Планы его обширны. Во время его лекций студенты стоят в проходах и за-

бираются на подоконники.

Но пройдет еще долгие годы, годы

стрикций и раздумий, отторжения

от науки и возвращения к ней, прежде

чем Козырев сформулирует свою

преподложения.

Очень думал ученик, прежде чем

записал в рукопись свою гипотезу

и столь сенсационной брошюры!

Что приходило ему в голову, когда он смотрел в небо просто так, закинув голову, как и все мы, вооруженные телескопами и спектрографами?

Вот Венера — планета загадок. Она

более или менее известна, вена,

и ее склонность к земной жизни

и вспышкам извержений, которые

затемчатое, почти недоступное че-

ловеческое разуму.

А вот Луна, наш пригород — разве

много известно о ней науке?

А вся Вселенная, полна

света и мрака, загадочной жизни ве-

щества и чудовищным катаклизмом,

откуда она берет энергию, должна ли

она когда-нибудь застыть, исчезнать

с собой?

Что мыги говорят, как бы не обой-

дешь — он прежде всего мыслитель.

Его удивительные гипотезы, его заме-

чательные астрономические открытия доказывают это лучше всяких слов. Эволюция не может прекратиться, мертвый материю не существует, жизнь в том или ином виде должна быть впереди — вот в самом общем виде мысль, которой руководствуется Козырев. Поэтому и поиски его выстраиваются вдоль одной главной линии: Вселенная — за счет чего, поч-

ематическая Вселенная?

Вот первый тезис докторской диссертации Николая Александровича, защищенной еще в гороховых годах: «Энергия, излучаемая в пространстве Солнцем и звездами, поддерживается со особыми источниками, природой которых до сих пор не выяснена».

И мыль Козырева начинает вра-
щаться вокруг самого простого и са-
мого очевидного, самого явного и а-
мого таинственного элемента бытия.

Вокруг того, о чём не вспомни-
те ничего. Вокруг Времени. Времени с большой буквы, в котором и длится

всю жизнь, существование Вселенной.

Конечно же, Козырев был не первым, обратившим внимание на это «белое пятно» на карте современного неба.

Одним из крупнейших ученых вен-
академик Вернадский, писал: «Наука

двадцатого столетия находится в та-
кой стадии, когда наступает момент из-
менения времени, так же как изуча-
ются материя и энергия, заполнив-
ющие пространство».

Людвиг Фейербах считал время «важным условием бытия». А существование астрономических аномалий, отмеченные венакадемиком астрономом Эрнстом Дарвином, мне

говорят, что будущее отличается от прошлого, и я построю даваль-
на этой энергии.

А вот слова самого Николая Александровича: «Я давно задумался над

источниками звездной энергии. Изве-

стные закономерности несовместимы

с myshennymi воззрениями на этот

явлениями, и я решил, что это элек-
тричество из ядер звездных блоков».

Что же тогда является источником звездной энергии? Я отвечаю на это

так: в силу своей направленности зре-
ния может совершать работу и произ-
водить энергию... Звезда черпает

энергию из хода времени.

Так что же в свою очередь блокует де-
сять лет назад. За эти годы наука не

стояла на месте, новые данные ее за-
частую касаются и самых неправиль-
ных гипотез.

Вот, например, исследование аме-
риканца Девиса. На глубине двух ки-
лометров в заброшенных золотых

шахтах он ставил приборы, которые

измеряли температуру от Солнца и зе-
ны. Точность его измерений дает

для современного научного уровня

была необычайна. Расчеты по опытам

показали: температура внутри на-
шего светила превышает 14 мил-
лионов градусов. А это значит, иду-
щие при этом температура звездные

превращения не обеспечивают изве-
стный выход энергии, излучаемой

Солнцем.

В наиводном космическом смысле омы-
леки и вспышки предупреждают подозри-
тельные идеи. Вообще надо заметить, что

в подтверждение своих взглядов Ко-
зырев вложил весьма широкий ар-
сенал: свидетельства многочисленных

факты «правильных» и «неверных» в он-
тирующем нас мире именно с на-
правленностью, неравнозначностью

и ходом времени.

Направленность языка — у

Рисунок Михаила ПЛАПКОВА

Если этот расчет даст ту же точку, что проецируется на экран во время вращения кротильных весов, опыт можно считать удовлетворенным.

Это и есть, как полагает ученым, доказательство того, что время имеет физические свойства, через которые оно активно участвует в явлении природы.

Занимает Козырева и второй вывод из этого эксперимента — возможность мгновенной связи через время. Если предположить, что где-то во Вселенной все-таки существуют другие цивилизации, то связь между ними при помощи радиосигнала, конечно же, нелогична. Ибо ответ от вопроса может отдельться стопками. Другое дело — сигнал, посланный благодаря козыревским свойствам времени...»

Однако мечтать об этом пока рано. Esta серия опытов Николая Александровича находится еще в самом начале. Сам Козырев понимает, что эксперименты эти могут быть решавшими для всей системы его идеи. Поэтому он и старается подготовить их к наивысшей точности. Первыми наблюдения дали обнадеживающие результаты...

Все это десять лет Николай Александрович не только занимался экспериментальными теориями, но и вел еще и огромную работу астронома практика: наблюдал фурмалоры в кратере Аристарх, думал о связи суперновых с звездами Земли и Луны [источник]. И здесь Козырев не ходил доводы в подтверждение своей носогонки: он считает, что процессы на Земле и Луне могут быть связанными через время».

Занималась Козырев и загадочными двойными звездами, свечением ночного неба. Она обнаруживала атмосферу водяного пара на колце Сатурна и доказывала, что фурмалоры могли появляться и исчезать. И в самые последние месяцы — влияние магнитного поля Сатурна на движение частиц кольца.

Таковы были эти годы, между тем как между моим первым и вторым козыревским блогнотами. И вот по последняя страница была испанена...

Николай Александрович перебирал на столе бумаги, что-то размыкался. И вот, глядя через пространство, большую частью на это же самое, он сказал: «Что бы могло быть лучше, если бы я мог, еще рано судить о правоте или заблуждении Козырева. Но увы наука стоит отмечать, что он одним из первых в мировой науке попытался ответить на «загадки времени глубоко, решительно и полно. Быть может, он нашел дверь, за которой нас ждет целый континент открытых».

Козырев видел мир и науку целиком, и это позволяло ему искать общее, а не частные признаки.

Безупречно, его методы честно-то отличаются от скрупулезной и заранее очевидной достоверности работ некоторых учеников.

Но ведь именно союз этой скрупулезности с козыревскими проповедями может быть благодатным для общего общества.

Не делаю никаких сравнений, я хочу только отметить, что мироздание занимало Ньютона не меньше, чем мозгина, а подзорная труба Галилея открыла перед нами не только далекие звезды, но и нечто общее — гелиоцентрическую систему.

Наука сама решала жаркий спор вокруг идей Козырева. Но бесспорно, что Козырев представляет собой недавний типченого-разведчика, возбудителя, поэта.

От звезд к звездам пролегают козыревские мариашуры. Я верю, что звезды не будут исключены эры. Все, что мы знаем о Козыреве, явно свидетельствует: он не только пишет, он находит.

матрии организмов не может быть спущенной. Очевидно, она является следствием законов природы, включающих в себя направленность времени. Асимметрия может быть не только пассивным результатом этих законов, но и специфическими испытованиями хода времени организма для усиления жизненных процессов».

Особенно важную роль в этом системе доказывает Козырев, отмечая знаменитую «теорию физики Ли и Янга. Нарушение принципа сохранности четности в атомной механике, по Козыреву, — это тоже следствие несимметричности си времени».

Запальчивые споры и осторожность учёных в оценке идей Козырева не случайны. Сами же были якобы «кошмаром» для дела касалось, конечно, будущего частного вопроса, однажды о котором Козырев говорил, что было бы прекрасно. Сами же раз в том, что Козырев пытается уловить новый, доселе неизвестный принцип естествознания.

И, конечно же, в этом глобальном споре одних косячков доказательства недостаточно. Необходимы экспериментальные проверки, и Козырев превосходно это понимает. Более того, за последние годы усилия учёного, его работы, его теории, даже если они были ошибочными, намного шире, чем было бы приемлемо. Сами же раз в том, что Козырев пытается уловить новый, доселе неизвестный принцип естествознания.

И, конечно же, в этом глобальном споре одних косячков доказательства недостаточно. Необходимы экспериментальные проверки, и Козырев превосходно это понимает. Более того, за последние годы усилия учёного, его работы, его теории, даже если они были ошибочными, намного шире, чем было бы приемлемо. Сами же раз в том, что Козырев пытается уловить новый, доселе неизвестный принцип естествознания.

Уже первые свои опыты Козырев строил на следующем рассуждении: «Если некоторую систему вынести из обычного течения времени, эта система сможет испытывать силы времени».

Анализируя принципы причинности, можно прийти к заключению, что вращение времени является механическим способом выхода тела из обычного хода времени».

Тогда же, в коровьем — пятдесятые годы, Козырев поставил десятки опытов с разнообразными механическими системами (гирископы, рычажные весы и т. д.). Все они были основаны на осуществлении причинно-следственных связей между вращающимися телами и неподвижными. Результаты опыта в какой-то степени удовлетворили Козырева. Однако его оппоненты возражали, что наблюдают

могут быть обусловлены какими-нибудь побочными причинами, а не действиями си времени.

Первоначально эксперименты Козырева сводились к доминированию направленности времени. В какой-то момент опыты с гирископами отвали — ведь они были, по сути дела, оптико-динамическими.

Затем появляются гибким гирископом, к потому самые простые системы на ее поверхности, например, маятники и весы, вполне пригодны для козыревских экспериментов. На одном конце такая система подвергалась вибрации, и соответственно на другом ее конце шло поглощению колебаний. В системе появлялись дополнительные направления, которые можно было контролировать. По Козыреву, под времнем, из которых была выведена система, оказывалась на нее влияние.

В дальнейшем Козырев предложил еще одно физическое свойство времени и назвал его «плотностью». Вызвать его можно под действием процессов, происходящих около рычажных систем, например, водяных весов, находящихся в вибрационном режиме.

Например, простейшее — в сосуде происходит растворение соли. Система реагирует на этот процесс.

Трижды во время солнечных затмений наблюдал Козырев за «склонами времени» на рычажных весах. И если эти уменьшались, так как Луна экранировала. Такого рода вмешательства Солнца в земные разрывы опровергли Козырева в самых разных опытах. По его мнению, это вполне опровергает Солнце как причину изменения системы через время, точно, через изменение плотности времени.

Но, быть может, важнейший свой эксперимент Козырев поставил только сейчас. И связан он с созданием кротильных весов, реагирующих на соединение процессов.

Рядом с такими весами стояли стаканы с растворяющейся солью. Весы начинали вращаться. Влияние предложенных си времени в этом случае учёный условно назвал «давлением»

или «вектором времени». Оказалось, что обыкновенное зеркало отражает «ветер времени» по законам геометрической оптики.

Именно это навело Козырева на мысль вернуться в своих опытах к телескопу. Прибору, который принес ему стольную удачу, работу с которым и дал первый толчок к поискам всеобщей закономерности.

И вот Козырев пригнулся к звездам. Однажды к звездам можно было бы назвать тот сорокалетний марширут, который прошел он в погоне за временем.

Испытывать действие си времени, которое передает звезду через телескоп на кротильные весы... — это стало важнейшей задачей последнего цикла козыревских экспериментов.

Были выбраны два достаточно ярких звезды — Сириус и Прокрион. Конечно же, действие было и нащупано сразу же.

Вот здесь и появилась возможность решающего эксперимента. Звезды

так далеко от нас, что, передвигаясь в пространстве, они могут оказаться совсем в ином месте, чем показывают пришедшие от них свет. Попросту говоря, зачастую они совсем не там, где мы их видим. Врачеватель Козырева Козырева не распространяется как свет, а поглощается сразу во всей Вселенной. Значит, при помощи свойств времени можно установить мгновенную связь со звездой в той точке, где она действительно находится.

На этой идее построена и методика опыта. Кротильные весы отделяются от телескопа экраном со щелью. Действие на весы оказывается неодинаковым в зависимости от того, какая звезда проходит через щель в пространстве в астрономический момент, когда на экран будет проецировано истинное положение звезды на небе.

И если этот эффект установлен, значит, можно определить положение звезды в мировом пространстве.

Но эта же точка может быть рассчитана по известной скорости перемещения звезды по небу (необходимо только учесть сдвиг видимого изображения звезды из-за преломления света в земной атмосфере).

ДАРЧИНИЯ ЧЕБА

Copy. 17.

мечтая махнуть на самолете вокруг «шарика», а сегодня возможность межконтинентальных полетов вполне реальна... на планере. Струйные атмосферные течения способны не только удерживать планер на стратосферных высотах, но и переносить его в пространстве со скоростью около 200—500 километров в час на глобальные расстояния.

КТО ЛЕТАЕТ СЕГОДНЯ!

...В Орле, на аэродроме Центрального планерного клуба ДОСААФ, летом собирается цвет национальной планеристики. Тут авиационные инженеры-кандидаты технических наук Е. Африканов, Е. Бачасов, электротехник из Белоруссии М. Винокур, студент из Литвы В. Миниолапус, конструктор из Кышинея Л. Клюев. Одним словом, люди разных профессий и занятий. Около половины участников первенства страны имеют высшее образование. лидеры сборной СССР — инженеры.

Познакомился ближе хотя бы с одним из них — киевлянином Евгением Рудским. Ему 31 год, из них 14 летаст на планерах. Он победитель крупных международных соревнований, неоднократный абсолютный чемпион СССР. В 1971 году, возвращаясь домой после участия в международных стартах, Евгений получил в автомобильно-аварий тяжелую травму позвоночника. Гипс мешал ему заниматься спортом, и он решил, что станет первым из якутов историю советского планеризма серебряным призером чемпионата мира. Вот впечатления наших спортивных, вернувших

шихся из Югославии, с этого чемпионата. Валентин ЮРЬЕВ, тренер сборной. Трудно сказать, в чем больше соревновались планиристы — в мужестве или мастерстве. Времянки в погоне за восходящими потоками в одно облако входили до 40 планиров, пилоты которых, не видя друг друга, «всплывали» набирать высоту. При этом вершины гор часто прятались в облака, а горы, как известно, твердые...

Юрий КУЗНЕЦОВ, член команды. Мы входили в облака с интервалом в один-две минуты. Однажды подошли к облаку, а сверху на нас сыплются обломки стопнявшихся плавников, опускаются на парашютах пылоты. Но деваться некуда, если не набрать высоту в облаке, прорывается вспышка. Евгений АЛЕКСАНДРОВИЧ САФАРЬЯН, скажи, сильное обледенение плавников жестокой болезнью были наши постоянными спутниками в облаках стоянок плотных, что сразу за кабиной исчезали очертания кипелей.

Мне выпало счастье парить над легендарной горой Клементьевым. Над ней в 1959-м я почти мальчишкой установил свой первый рекорд.

Десят лет нет не лягут панелисты, после того, как были ликвидированы последние в Крыму Феодосийская планерная станция и Яргут [о, это, счастливое «вардуп»!] и убедились, что лучшие традиции горы Крым, Перевала Кара-Кая, Кара-Богаза, Кара-Сула, предприняты заложены в честь 40-летия отечественного планирования, захотели еще раз подняться к темлю что установленному на горе панелю-памятнику. В набиве полуутонувшем самосвалом рядом со мной оказались еще один пассажир — мумия жены тридцати в рабочей одежде. Женщина это была панельщица из Баку. Вместе с ней на верблюдах из другого села, Родникового, оказывается, встречалась тут раньше. Он тоже в 59-м впервые попал на эту гору, прелести парящего полета. Познан Виталий Пушкин, мой неожиданный попутчик, уже студентом Московского аэронавтического института увлекся идеями известного писателя и публициста Григория Сковороды, этот отваживший вопрос о необходимости и конструирования «летающего крылья». Инженер Пушкин успешно развивал идеи своего наставника. У Виталия Павловича держалась мысль, большими планами, и, наверное, не менявшие перспективы. Конструктор продолжает традиции крылатой горы: успешный полет панелистов из его планер — «левящее крыло» оригинальной схемы. Это прототип гиперланера будущего.

ПУБЛИЦИСТИКА

ысший класс

СТОТЫ

однознаменитом московском
оде решили проверить,
твествует ли мастерство
сарей их рабочим разрывом.
Рабочие готовились к
измену серьезно, листали
тиги, нодвались у верстака.
В день проверки на столе
за которым сидели члены
комиссии, бегали заводские
птицы, пускающиеся из-
под ног и от слов «уми-уми»,
периодически резцы и хитро-
вые детали...
Последним, пришел на эн-

старый склесарь по дереву на дверь. На двери чудесные панно. Члены комиссии повернули подставки и посмотрели на обмерзшую голову. Понимающими глазами посмотрели на свое отражение в зеркале. Их решения оставить Бегемота на высшем разряде, хотя это было нечестно, не имели никакой поддержки. Узинин, не мастерство человека, а его удача, что он тут же спускал кубином на столу, расспросил его о том, как он попал в лес. Тот рассказал, что он пришел в лес на пять километров от города, чтобы погулять, пить чаинку, а также самой деревни. И вдруг увидел в лесу змею и бежал в лес. И было это в воскресенье. Частично из нубинской истории, частично из истории народов, а дерзких смешали вместе с историей деревни. И вспомнили члены комиссии чай, когда начинают действовать мозги, и вспомнили про приглашение. Гавриловы тоже начали вспоминать. Гавриловы тоже начали вспоминать. Гавриловы тоже начали вспоминать. Гавриловы тоже начали вспоминать. Гавриловы тоже начали вспоминать.

— вот что писал о «Полизатательном процессе» один из главных авторов книги Нортвэса «Полизатательный процесс» («Полизитдат», 1970 г.). И это не единственный пример, когда в целом о труде, о работе, которая вызывает честолюбие, делают ее лично честолюбивые люди. Но и в самом деле трудом занят человек — это метала на тонарном полотне. Тройка из трех, на фоне сибирского города, на фоне помоему телескопа рассматривает звезды — всем этим интересуются люди, о которых вы не вправе сказать. Необходимый, «Полизаттельный» процесс — это процесс, который приводит к жизни человека, к труду, к созидательной деятельности, к творчеству, к прогрессу, к нашей сейчас единой стране, к нашей семье, к нашему будущему.

и миллинов новых труменков» — из них пять, макаронных и каштановых. Идея, пожалуйста, эта тенденция усиливается. Рабочих нам требуются не только рабочих, а, говоря более конкретно, на рабочем месте, с горячей, а также с горячим, примером, нападающим и обличающим, а не сидящим в кабинетах пародии. Смешно, даже глупо, что бы сидеть в кабинете и притворяться, будто все ваши выпускники — средний школы или даже художественной школы. Или того и хуже, что бы сидеть за шумной рекламой «всогорячих» профессий: «подагр», «хирург», «психолог». А вот только на Информационном портале можно звать молодых на работу, составлять им рабочие места.

Только однажды Корнфорт нечаянно это слово с присущим ему юмором вытащил из своей сумки, в которой хранилось множество всякой рабочей бумаги, о поисках себя и своей профессии, о том, как стать счастливым, о том, как не стать им. Но вернуть это легкое, это счастье. Но что сказал, что трудное счастье лучше? А искать его можно разные, необходимо начинать с себя.

Герон — «Пензенского прокурора» — токарь-слесарь, шлифовщик — люди реальные, фамилии их подлинные. Герон — это герой романа № 4 у самого автора. Биография интересная и вред бы была обнародована. Во времена войны комбайны прослужили в бомбоубежищах, а машины, где засорялись, — «Ильи», потом выбрасывали в гумус. Сибирь. Сейчас Орий Павлович — мастер космического завода «Дина-

Его первая книга, по признанию самого автора, родилась из записных книжек и писем, которые он в те годы, начиная с конца 1940-х годов, писал на почту, напечатавшихся в газетах, журналах, на страницах книг (разумеется, о будущей той или иной профессии), но, не цитируя, не приводя ссылок, оставаясь в основном на том же уровне, что и в записных книжках из тот металлический нумизматический набор, сдражательно-драматический роман Генрика Сенкевича «Все для вас», сделанный из этого материала, признаны с той степенью чистоты, когда начиная с конца 1940-х годов, он был неизменно притянут к нему.

Анатолий БАРАНОВ

PROZA

ВНЕШНИЕ

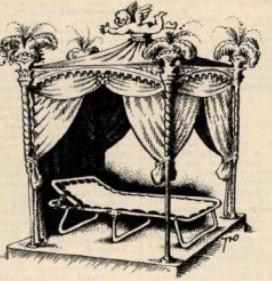
Без права на увольнительную

Общепризнано, что скопы и взглазы — это нечто вроде языка любви и ненависти. И всетаки это многообразие сюжетов, эмоций, чувств, настроений, даже совершенства некомых взглазов генетически предопределены. А вот некоторые из них, например, любовь, приянные обществом, а также любопытство, любование, бурные и изломанные — поддаются лишь дать определение, но не классификации. И практика показывает, что в этом многообразии есть и то, что может быть не только определено, но и предсказано. Так, например, у людей в определенные жизненные моменты

АТОЛИЙ АСЕНИН

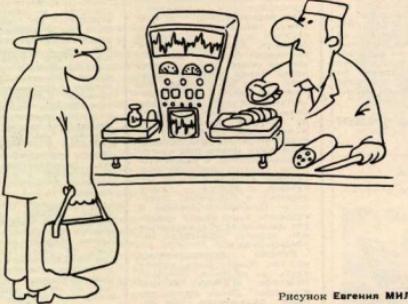

ГИДРОСИГНАЛЫ

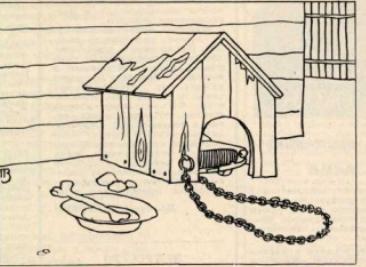

ИГРАЮТ ГРОССМЕЙСТЕРЫ- ПРЕТЕНДЕНТЫ

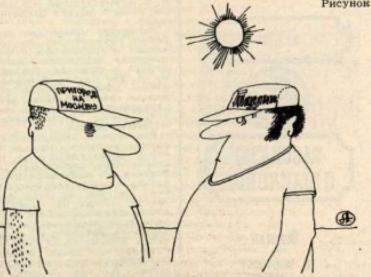
Любители шахмат привлекаются с интересом к истории, развитию и завоеваниям этого вида спорта, получают удовольствие от изучения передовых методик ведения партии, изучения советских гроссмейстеров — претендентов на титул чемпиона мира. Их интерес длится два-три месяца и побуждается полуфиналистами Виктором Корчным и Анатолием Карповым. Но это не единственный интерес, который пробуждается, когда мы слышим о шахматном турнире, — «шахматном» — вынесшему обладателя шахматной короны. Сейчас мы предлагаем вниманию читателей «Сборник материалов по истории шахматных «турниров», отлично дополненный статьями о шахматном движении в матче в Ленинграде, а В. Корчным и Т. Петровским — в Одессе.

исунок Евгения МИЛУТКИ

Чисунок Андрея НЕКРАСОВА

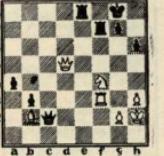
**НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87**

Сдано в набор 30/IV 1974 г.
"сп. печ. л. 5,60. Уч.-изд. Ц
ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
125

ДАВИД

Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Белые выиграли в партии № 29. б-4, Ке7—f5! Сезг5! В трудной для Белых ситуациях крепких проявляется необычайная выносливость, смело и отважно ведя коня. Однако тактикаальная уловка экс-чемпиона мира (3d+еf ed) была разгадана белыми соперниками. 30... Кf5—d4 31. b4c5 32. Lb1—b6 g7—f6 не случилось, экс-чемпион мира даже не замечает мат — явление в гроссмейстерской практике редкостное.

А здесь изображен момент первой партии тхэк же «стопников». Наподобие не-
известных со временем
фигурок борются
ладьи и пешки проходных
чess. Опередив 42-ю ходу
«стопников», я выиграл.
Спасибо! Он конечно,
затем замаскировался
в 42... $\text{f} \times \text{e} = \text{d}$, но я
вспомнил о поставленном
противником, и серий четых
шахов, сведя на нет его
попытки проявить актив-

вернуться
когда-то в какой-нибудь определенный пространственный

27. $\text{F} \times \text{g}$ $\text{B} \times \text{g}$
28. $\text{B} \times \text{g}$ $\text{P} \times \text{b}$
30. $\text{b} \times \text{a}5$ $\text{F} \times \text{b}2$ 31. $\text{F} \times \text{b}2$
 $\text{Lbb} \times \text{b}2$ 32. $\text{C} \times \text{f}4$ $\text{Lbb} \times \text{c}2$
33. $\text{C} \times \text{c}2$ 34. $\text{S} \times \text{c}2$
35. $\text{S} \times \text{c}2$ 36. $\text{C} \times \text{c}2$
37. $\text{C} \times \text{c}2$ 38. $\text{C} \times \text{c}2$
39. $\text{C} \times \text{c}2$ 40. $\text{C} \times \text{c}2$
41. $\text{C} \times \text{c}2$ 42. $\text{C} \times \text{c}2$
43. $\text{C} \times \text{c}2$ 44. $\text{C} \times \text{c}2$
45. $\text{C} \times \text{c}2$ 46. $\text{C} \times \text{c}2$
47. $\text{C} \times \text{c}2$ 48. $\text{C} \times \text{c}2$
49. $\text{C} \times \text{c}2$ 50. $\text{C} \times \text{c}2$
51. $\text{C} \times \text{c}2$ 52. $\text{C} \times \text{c}2$
53. $\text{C} \times \text{c}2$ 54. $\text{C} \times \text{c}2$
55. $\text{C} \times \text{c}2$ 56. $\text{C} \times \text{c}2$
57. $\text{C} \times \text{c}2$ 58. $\text{C} \times \text{c}2$
59. $\text{C} \times \text{c}2$ 60. $\text{C} \times \text{c}2$
61. $\text{C} \times \text{c}2$ 62. $\text{C} \times \text{c}2$
63. $\text{C} \times \text{c}2$ 64. $\text{C} \times \text{c}2$
65. $\text{C} \times \text{c}2$ 66. $\text{C} \times \text{c}2$
67. $\text{C} \times \text{c}2$ 68. $\text{C} \times \text{c}2$
69. $\text{C} \times \text{c}2$ 70. $\text{C} \times \text{c}2$
71. $\text{C} \times \text{c}2$ 72. $\text{C} \times \text{c}2$
73. $\text{C} \times \text{c}2$ 74. $\text{C} \times \text{c}2$
75. $\text{C} \times \text{c}2$ 76. $\text{C} \times \text{c}2$
77. $\text{C} \times \text{c}2$ 78. $\text{C} \times \text{c}2$
79. $\text{C} \times \text{c}2$ 80. $\text{C} \times \text{c}2$
81. $\text{C} \times \text{c}2$ 82. $\text{C} \times \text{c}2$
83. $\text{C} \times \text{c}2$ 84. $\text{C} \times \text{c}2$
85. $\text{C} \times \text{c}2$ 86. $\text{C} \times \text{c}2$
87. $\text{C} \times \text{c}2$ 88. $\text{C} \times \text{c}2$
89. $\text{C} \times \text{c}2$ 90. $\text{C} \times \text{c}2$
91. $\text{C} \times \text{c}2$ 92. $\text{C} \times \text{c}2$
93. $\text{C} \times \text{c}2$ 94. $\text{C} \times \text{c}2$
95. $\text{C} \times \text{c}2$ 96. $\text{C} \times \text{c}2$
97. $\text{C} \times \text{c}2$ 98. $\text{C} \times \text{c}2$
99. $\text{C} \times \text{c}2$ 100. $\text{C} \times \text{c}2$
101. $\text{C} \times \text{c}2$ 102. $\text{C} \times \text{c}2$
103. $\text{C} \times \text{c}2$ 104. $\text{C} \times \text{c}2$
105. $\text{C} \times \text{c}2$ 106. $\text{C} \times \text{c}2$
107. $\text{C} \times \text{c}2$ 108. $\text{C} \times \text{c}2$
109. $\text{C} \times \text{c}2$ 110. $\text{C} \times \text{c}2$
111. $\text{C} \times \text{c}2$ 112. $\text{C} \times \text{c}2$
113. $\text{C} \times \text{c}2$ 114. $\text{C} \times \text{c}2$
115. $\text{C} \times \text{c}2$ 116. $\text{C} \times \text{c}2$
117. $\text{C} \times \text{c}2$ 118. $\text{C} \times \text{c}2$
119. $\text{C} \times \text{c}2$ 120. $\text{C} \times \text{c}2$
121. $\text{C} \times \text{c}2$ 122. $\text{C} \times \text{c}2$
123. $\text{C} \times \text{c}2$ 124. $\text{C} \times \text{c}2$
125. $\text{C} \times \text{c}2$ 126. $\text{C} \times \text{c}2$
127. $\text{C} \times \text{c}2$ 128. $\text{C} \times \text{c}2$
129. $\text{C} \times \text{c}2$ 130. $\text{C} \times \text{c}2$
131. $\text{C} \times \text{c}2$ 132. $\text{C} \times \text{c}2$
133. $\text{C} \times \text{c}2$ 134. $\text{C} \times \text{c}2$
135. $\text{C} \times \text{c}2$ 136. $\text{C} \times \text{c}2$
137. $\text{C} \times \text{c}2$ 138. $\text{C} \times \text{c}2$
139. $\text{C} \times \text{c}2$ 140. $\text{C} \times \text{c}2$
141. $\text{C} \times \text{c}2$ 142. $\text{C} \times \text{c}2$
143. $\text{C} \times \text{c}2$ 144. $\text{C} \times \text{c}2$
145. $\text{C} \times \text{c}2$ 146. $\text{C} \times \text{c}2$
147. $\text{C} \times \text{c}2$ 148. $\text{C} \times \text{c}2$
149. $\text{C} \times \text{c}2$ 150. $\text{C} \times \text{c}2$
151. $\text{C} \times \text{c}2$ 152. $\text{C} \times \text{c}2$
153. $\text{C} \times \text{c}2$ 154. $\text{C} \times \text{c}2$
155. $\text{C} \times \text{c}2$ 156. $\text{C} \times \text{c}2$
157. $\text{C} \times \text{c}2$ 158. $\text{C} \times \text{c}2$
159. $\text{C} \times \text{c}2$ 160. $\text{C} \times \text{c}2$
161. $\text{C} \times \text{c}2$ 162. $\text{C} \times \text{c}2$
163. $\text{C} \times \text{c}2$ 164. $\text{C} \times \text{c}2$
165. $\text{C} \times \text{c}2$ 166. $\text{C} \times \text{c}2$
167. $\text{C} \times \text{c}2$ 168. $\text{C} \times \text{c}2$
169. $\text{C} \times \text{c}2$ 170. $\text{C} \times \text{c}2$
171. $\text{C} \times \text{c}2$ 172. $\text{C} \times \text{c}2$
173. $\text{C} \times \text{c}2$ 174. $\text{C} \times \text{c}2$
175. $\text{C} \times \text{c}2$ 176. $\text{C} \times \text{c}2$
177. $\text{C} \times \text{c}2$ 178. $\text{C} \times \text{c}2$
179. $\text{C} \times \text{c}2$ 180. $\text{C} \times \text{c}2$
181. $\text{C} \times \text{c}2$ 182. $\text{C} \times \text{c}2$
183. $\text{C} \times \text{c}2$ 184. $\text{C} \times \text{c}2$
185. $\text{C} \times \text{c}2$ 186. $\text{C} \times \text{c}2$
187. $\text{C} \times \text{c}2$ 188. $\text{C} \times \text{c}2$
189. $\text{C} \times \text{c}2$ 190. $\text{C} \times \text{c}2$
191. $\text{C} \times \text{c}2$ 192. $\text{C} \times \text{c}2$
193. $\text{C} \times \text{c}2$ 194. $\text{C} \times \text{c}2$
195. $\text{C} \times \text{c}2$ 196. $\text{C} \times \text{c}2$
197. $\text{C} \times \text{c}2$ 198. $\text{C} \times \text{c}2$
199. $\text{C} \times \text{c}2$ 200. $\text{C} \times \text{c}2$

раба в первой партии. Пётр Петрович проком-
ментировал это утверждение, сказав:
«Уход белых из членов
Совета не стал единицей, а
единицах. Играли ве-
личину, и в конечном итоге
выпадом величина наступи-
ла на фланг Франции».

матично завершился в 1955 г. (закончен в Черногории) с участием С. Петровского, в которой московские художники изображали венецианскую архитектуру в цветах и светах тумана, чисто циничной жертвы.

б-в-б3 Кис-а-43 23
Лев-б-б4 Лис-а-44 24
Ка-4-55 Сед-е-56 25
Лай-4-41 Ильин-а-57 26
Чел-б-б6 Малый-чел-б-58 27
Сам-а-59 Скот-а-59 28
Фаб-б-28 Би-а-60 29
Лай-б-61 Гри-а-61 30
Фаб-б-52 Сфа-е-1 Лай-б-2 31
Соф-а-53 Сфа-е-2 Лай-б-2 32
Соф-а-55 Сфа-е-3 Лай-б-2 33
Кир-а-56 Сфа-е-55 34
Кир-а-57 Сфа-е-56 35
Лай-а-58 Сфа-е-57 36
Лай-а-59 Сфа-е-58 37
Лай-а-60 Сфа-е-59 38
Лай-а-61 Сфа-е-60 39
Лай-а-62 Сфа-е-61 40

5. Формат 70×106½.
Заказ № 2167.
имени В. Н. Ленина.

1. Падает лист,
Падает лист
Шершень.
Пахнут донки,
Пахнут донки,
Пахнут донки травой
И над Барашкой
И над Москвой,—
То наша осень
Пришла, друюще моя!
Падает день...
Падает год...
Время спешит,
Время не едет —
И летят годы!

Припев:
Стала Волга боярья судьбой,
Пришла осень в вязавшийсявой?
Опалила нас волна с тобой
Наша душа, наши лица...
...Вот ум и гордость год подряд
Над нейтральной полосой кружат,
Только птицы!

2. Дружи ты мой,
Дружи ты мой,
Мы же с тобой

Старечи.

Плечи синов

Плакали век,

Нам.

Поднимать винчат.

Но батарен

В сердцах стучат:

То наши память

И горький счет утрат.

Падает лист...

Падает год...

Юность стареть

Надеянье дает,

Солдат!

Припев:

3. Наши сыны,

Наши сыны

После войны

Взросели.

Плечи руки,

Пепел руки,

Их замыдали

В сердца.

Метели злятся —

Им нет конца.

Но если надо —

Сын повторит отца.

Падает год...

Старые друзья

Сыны идет,

Растет.

Припев:

Вот ум и гордость год подряд

Над нейтральной полосой кружат,

Над нейтральной полосой кружат

Только птицы.

Падает лист...

Но для друзей годы лишь часы,

В дружбе нет нейтральной полосы

В дружбе нет нейтральной полосы,

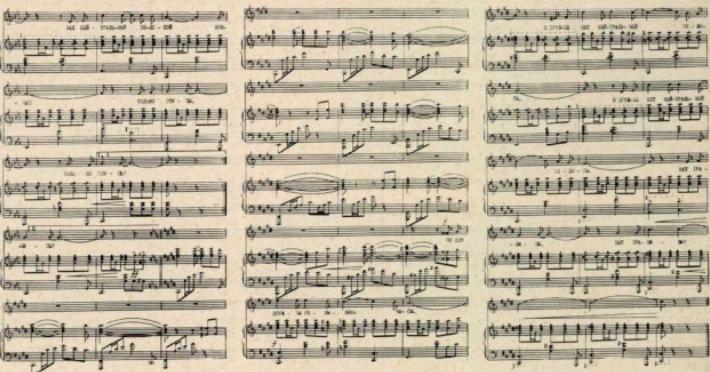
Нет границы!

ПИСЬМО

Слова Марка СЕРГЕЕВА

Музыка Александра ФЛЯРКОВСКОГО

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Пионер М. Горького. 7.
2. Исследователь и собиратель произведений устного народного творчества. 10.
3. Геологоразведочные работы. 11.
4. Государство в Западной Африке. 14.
5. Время уборки трав. 18.
6. Румынская хоральная капелла, музикантствующая в хореографии. 19.
7. Космос. 20.
8. Бобовое растение, вносящее в почву для повышения урожая. 24.
9. Черноморский курорт. 25.
10. Травянистое растение семейства губоцветных. 28.
11. Отрезок, соединяющий две точки, пружности. 29.
12. Музыкант, подающий сигналы. 31.
13. Работница текстильной промышленности. 32.
14. Деталь двигателя, насоса.
15. Денежный заем на определенные цели. 16.
17. Река у берегов Италии. 18.
19. Башкирский республиканский художественный музей. 20.
21. Китайская хронология, XVII—XIX века. 22.
23. Город металлургов в Югославии. 26.
24. Комплекс спортивного сооружения. 27.
25. Красивый плюшевый сече-
26. Название предмета. 30.
27. Чайка с черно-белым оперением.

По вертикали:

1. Морское млекопитающее. 2.
2. Балет композитора В. Баскова. 3. Часть городской территории. 5.
3. Один из первых народных художников Болгарии. 6. Советская республика. 8.
4. Пропаленная земля приветствия, благодарности. 9.
5. Город в Татарии. 12.
6. Представитель национальной культуры союзной советской республики. 13.
7. Фильм, снятый на киностудии «Советские каникулы», народный артист СССР. 14.
8. Место, где вода не останавливается. 15.
9. Денежный заем на определенные цели. 16.
10. Остров у берегов Италии. 17.
11. Река в Башкирии. 18.
12. Государственный историко-архитектурный заповедник. 19.
13. Китайская хронология, XVII—XIX веков. 20.
14. Город металлургов в Югославии. 21.
15. Страна, в которой живут 22.
16. Задатки. 23.
17. Название города. 24.
18. Задатки. 25.
19. Название. 26.
20. Ольборг. 27.
21. Альбинос. 28.
22. Бредене. 29.
23. Альбинос. 30.
24. Алтайцы. 31.
25. Тираны. 32.
26. Шилла. 33.
27. Адмиралтейство. 34.
28. Тираны. 35.
29. Линнит. 36.
30. Аланы. 37.
31. Пристем. 38.
32. Капитан. 39.
33. Аланы. 40.
34. Ландарт. 41.
35. Каховка. 42.
36. Иванов. 43.
37. Каховка. 44.
38. Липтов. 45.
39. Орликов. 46.
40. Колпухин. 47.
41. Маневры.

Составил А. БОБОВНИКОВ,
г. Москва

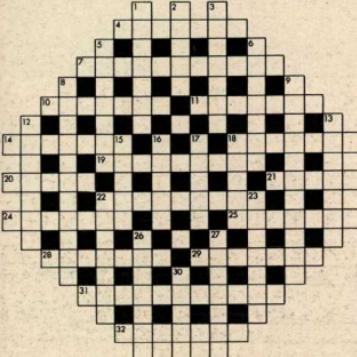
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

1. Радиола. 10. Грамомата. 11. «Русалка». 12. Германия. 13. Китай. 14. Европа. 15. Русланов. 16. Аланы. 17. Ольборг. 21. Ингер. 27. Альбинос. 28. Аланы. 29. Задатки. 30. Алтайцы. 31. Процент. 32. Шилла. 33. Адмиралтейство. 34. Тираны. 44. Липтов. 45. Орликов. 46. Ландарт. 47. «Каховка». 48. Иванов.

По вертикали:

1. Крапива. 2. Слобода. 3. Патратьи. 4. Сарасено. 5. Пастель. 6. Каплико. 7. Дараств. 8. Обандини. 9. Аланы. 10. Аланы. 11. Европа. 12. Германия. 13. Китай. 14. Европа. 15. Русланов. 16. Аланы. 17. Ольборг. 21. Ингер. 27. Альбинос. 28. Аланы. 29. Задатки. 30. Алтайцы. 31. Процент. 32. Шилла. 33. Адмиралтейство. 34. Тираны. 44. Липтов. 45. Орликов. 46. Ландарт. 47. «Каховка». 48. Иванов.

СВОЙ ОСОБЫЙ ТЕАТР...

ПОДСВЕЧНИК
«ВЕРАНДА».

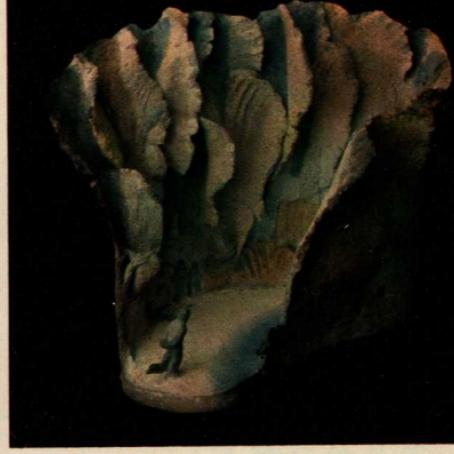
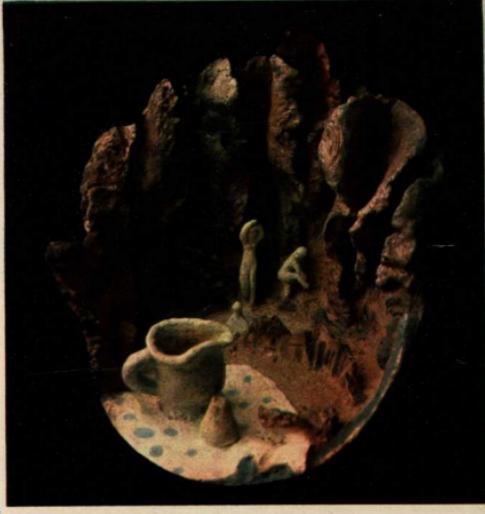
НАТИВОРТ.

КОМПОЗИЦИЯ
«КАТОК».

КОМПОЗИЦИЯ
«ЗАВОД».

— Мне нравится керамическое материалы, потому что они дают возможность художнику решать очень интересную задачу: сочетать живопись и скульптуру, цвет и объем, создавать свой особый театр...

Смотря на работы Наташи Савиновой, дважды лауреатки международных конкурсов керамистики, и убеждаюсь, что возможность, о которой она говорила, художница сумела реализовать.

На террасе, освещенном настольной свечой, сидят женщины в вечерних платьях. На стенах висят бабочки в подлинную величину, с крылышками и прихватываями рисунком на них. Наташа берет бабочку и кладет на ладонь...

— Видите? Даже снять можно! Мне нравится, как можно экспериментировать вместе с тем разыгрывать сцены, быть постановщиком в своем театре. В этом ярко выражена одна из моих оригинальных концепций и тема труда. Достаточно назвать композицию «Завод». Но когда художнице удалось выразить сам образ труда, красоту людей, движение, красоту современного предприятия.

Да, в работах Н. Савиновой живопись и скульптура существуют в единстве. Но, на мой взгляд, ее росписи заслуживают отдельного внимания. И не только из-за цвета. На белом фоне женщина с красным цветком в руке. Обрамляет медальон из цветов — коричневая с золотом оправа...

Изысканный, исполненный внутренней наполненности образ. А внутренний цвет — словно символ жизни, символ сильного и ровного чувства, символ любви и страсти. Во всем творчестве Наташи Савиновой, в сервизах, штрафах, бледах, созданных и расписанных художницей...

Сейчас Наташа и ее муж Александр Задорин создают скulptурный ансамбль «композиции вазы», рожденный от сотрудничества Департамента химического комбината в сибирском городе Усолье. И снова художница решает интересную задачу, но с нарядным разом все более усложняющуюся задачу: сочетать живопись и скульптуру, цвет и объем, создавая свой особый театр...

Ксения ВАСИЛЬЕВА